

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108
УДК 821.161.1

В.И. Мозалевский

Тропинки, пути, встречи (окончание)

Подготовка текста и комментарии А.Л. Соболева

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме и с подробным комментарием мемуары писателя Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970). Будучи малозаметным, но деятельным участником литературной жизни с середины 1900-х годов, Мозалевский оставил яркие словесные портреты В. Брюсова, Б. Садовского, Ю. Слезкина, С. Ауслендера, Е. Нагродской, М. Булгакова и многих других.

Ключевые слова: В. Мозалевский, литературная жизнь, мемуары.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи / Подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108

МОСКВА 1913–15 гг.
МАЯКОВСКИЙ. ФУТУРИСТЫ. ВЕЧЕР В ОБЩЕСТВЕ
«СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ» —
ПАМЯТЬ ХУДОЖНИКА САПУНОВА. БАЛЬМОНТ В Л.Х. КРУЖКЕ.

В 1913 году мы впервые услышали голос Маяковского, провозгласившего где-то на вечере свои стихи.

Какие стихи? Да те, конечно, которые передавались из уст в уста: о том, что «ежели звезды зажигаются, значит это нужно», и богохульные стихи, пугающие девушек, о том, как проститутки понесут поэта по небу...¹ Был он одет тогда бедно и просто, в какую-то вельветовую блузу

¹ Из стихотворений «Послушайте!» («Послушайте!...») и «А все-таки» («Улица провалилась, как нос сифилитика...»).

(не желтую!). То было время публичных выступлений футуристов разных оттенков, ходили они по всяким вечерам и кружкам обычно ватагой, выступая под аплодисменты — или — реже — под свист.

Но вот прошло много лет, а памятен по-настоящему остался из этой группы шумливой только Маяковский. А тогда, в те годы, мы, поругавшись, да помирившись, пришли к одному: он, Маяковский, ядром врывается в толпу эстетствующих заживевших буржуа и колеблет их скрижали. А наш клан на корме своего корабля (или лодки) выставял презрение к мещанству, к филистерству, к застою...

К *dii minores*² футуризма — Крученых, Бурлюку Д., Хлебникову и... (их было немало) мы отнеслись недоверчиво, и как будто были правы. Но нравились, как удары по конфетно-парфюмерным трафаретам чувствительных стихов и романсов тех лет (включая в них и иные стихи эгофутуристов), нравились нам такие названия стихов, как «Засахаренная крыса»³, или слова «улица провалилась, как нос сифилитика»...

В начале 1914 г. вышла имевшая большой успех у тогдашней читательской молодежи книга, известная многим и сейчас — «Пощечина общественному вкусу»⁴, — некая платформа футуризма. Кое-что из нее мы приняли (не как пощечину нам!), приняли протест против мещанства, обывательщины, перепевов Надсона, фальсификации Некрасова. Надо вспомнить, что немало восторгов у молодежи вызывали тогда вряд ли не пошлые стихи и песни о кокаинеточках⁵, о «снежинках-пушинках»⁶, в театрах звучали фальшивочувствительные «Осенние скрипки»⁷, Л. Андреев «пугал» «Анфисой», «Екатериной Ивановной», «Сторицыным»⁸.

К сожалению, никто из нас (тогдашних литературных юнцов) не подумал заступиться за... Пушкина, которого ватага таких же юнцов из категории «обнаглевшей бездари» ругала и пожелала выбросить

² Младшим богам (*лат.*).

³ Подразумевается эгофутуристический альманах «Засахаре кры» (Пг., 1913); о происхождении и смысле этого названия см. содержательную статью: *Шаргородский С.М.* Крыса в лабиринте (О названии одного футуристического альманаха) // Другое полушарие. 2010. № 13. С. 95–101.

⁴ В действительности альманах вышел в декабре 1912 г.

⁵ «Кокаинетка» («Что вы плачете здесь...») — знаменитый романс А.Н. Вертинского.

⁶ Имеется в виду популярный романс Валерия Федоровича Воляртинского (1889–1955) «Снежинка» («Она казалась елочной игрушкой...»), включающий припев «Моя снежинка, моя пушинка, / Моя царица, царица грез. / Моя снегурочка, моя хрустальная, / К твоим ногам я жизнь принес» (указано В.Я. Мордерер). Самое раннее из разысканных (и притом датированных) нотных изданий романса — Ростов-на-Дону, 1927. Об авторе: *Б.л.* Реквием // Искусство Ленинграда. 1990. № 7. С. 35.

⁷ «Осенние скрипки» — пьеса И.Д. Сургучева; премьера в Московском художественном театре — 14 апреля 1915 г.

⁸ Аллюзия на легендарную реплику Толстого: «Андреев всё меня пугает, а мне не страшно» (Дневник А.С. Суворина. М.–Л., 1923. С. 357); известность она приобрела в слегка искаженном варианте.

с парохода (или корабля) современности... Впрочем, имя Пушкина не нуждалось в нашей защите. Однако последующие годы мы (оставшиеся в живых члены «клана») слегка презирали себя за то, что не дрались за Пушкина, за Л. Толстого. А драться тогда можно было без особого риска в самом буквальном смысле слова, к тому же царская полиция и охранка предпочитала безучастно смотреть на такие драки, а не набрасываться на выступления против царя, самодержавия.

В 1913 (или в начале 1914 г.) в «Обществе свободной Эстетики» был вечер памяти театрального художника Сапунова, утонувшего совсем молодым в море в 1912 году⁹.

Не помню, кто делился воспоминаниями об этом так мало успевшем раскрыть свой талант художнике (в Третьяковской галерее имеются его работы), но хорошо помню, что у стола президиума рядом с правленцами общества В.Я. Брюсовым, И.И. Трояновским¹⁰ внезапно появилась шумливая группка и просила (или требовала?) слова... Это были — «футуристы», так вещал прошуршавший по собравшимся на «вечер» шепот.

Но кто же? Было, помнится, нескольких их. Маяковский и некий Грищенко (художник?)¹¹, остальные — тогда были мало известны, прошумели их имена позднее, ненадолго. Слово, разумеется, было дано, ибо никто и нигде на всяких литературных собраниях и диспутах футуристам говорить не мешал, а, наоборот, кое-где кричали «просим!».

Прошло сорок с лишним лет, и мало правдиво звучали бы мои воспоминания, если бы я вздумал точно повторять, что говорил тогда оглушающе Маяковский. Но твердо помню, что он, как и другие с ним из группы, начал с извинения: «Сапунова, мол, мы не знали, к вечеру его памяти никакого отношения не имеем, но... долой “Мир искусства”, долой маркиз, XVIII век, долой таких художников, как Бенуа, Сомов, да и Сапунов... Новое искусство это мы...» далее следовала в пересказе платформа «Пошечины», а потом выпятился Грищенко — обругал ряд современных художников (досталось, впрочем, не только художникам из «Мира искусств», но и другим, не позабыты им были и Суриков, и Репин, и Серов и передвижники, конечно). Грищенко предлагал современным художникам учиться живописи у русских иконописцев XI–XIII веков и даже показывал принесенные им какие-то репродукции с икон.

⁹ Имеется в виду собрание 7 февраля 1913 г. В официальном отчете писалось: «Собрание было посвящено памяти Н.Н. Сапунова. Ф.Ф. Комиссаржевский прочел доклад о жизни и творчестве покойного художника. После доклада состоялся обмен мнениями, в котором приняли участие В.Я. Брюсов, А. Грищенко, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский и др. Присутствовало 108 человек» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 28об.).

¹⁰ Врач, садовод и собиратель Иван Иванович Трояновский (1855–1928).

¹¹ Алексей Васильевич Грищенко (1883–1977).

Обладавший исключительным тактом мудрый В.Я. Брюсов дал этому выступлению быстро пролететь, как дыму от фейерверочной ракеты. Никто никому не оппонировал, собрание рассосалось. Кто-то упрекнул выступавших: «глупо порочить память Сапунова!»

Но другой кто-то, хорошо знавший Сапунова, как остряка и «эпатора» буржуа, возразил: «полноте! если бы Сапунов был в публике, он аплодировал бы им, эта эскапада как раз в духе покойного».

Футуристы возникали и вспыхивали разных цвечений и свечений: Маяковский, Хлебников, Бурлюк Д., Крученых, Б. Лившиц, и в дистанции огромного от них размера эгофутурист Игорь Северянин, ошарашивший своим «громокипящим кубком» не только головы юношей и головки девушек, но и сбивший с толку взрослых, выдавших виды, читателей, поэтов, критиков.

Нас И. Северянин не ошарашил ни «грезерками», ни «шаплетками», а предложенное им «Мороженое из сирени»¹² набивало оскомину не менее, чем иные общеизвестные сорта «сливочных», «крем-брюле».

Но нас, бесштаных (санкюлотных) юнцов радовало, что вот нашелся такой же по существу бедняк, санкюлот, провозгласил *urbi et orbī*, как папа, что он — гений, государь, что он повсюду утверждён над этой ужасной пошлой толпой мешан¹³, буржуа, толпой, которую давно распознали и презирали и Тютчев, и Бодлер, и О. Уайльд — наши любимцы.

А толпа-то в восхищении слушала, аплодировала Северянину и метала икру подражателей гениальному «государю» Игорю.

Как-то в одной облюбованной нами Московской пивной (в 1913 или 1914) Ярский под одобрительный гул ее посетителей прочел стихи петербургского футуриста (окончившего в те годы жизнь самоубийством)¹⁴.

До сих пор помню в отрывках эти стихи.

... Мой отец — полковник в отставке —
 Прошлого великий актер...
 За столом идиотски смеется:
 «Гы, какой вкусный борщ!...»
 И кричит: «клецок! клецок побольше!»

¹² «Грезерки» у Северянина встречаются несколько раз, в т.ч. в весьма известной «Качалке грезерки» («Как мечтать хорошо Вам...»); «шаплетка» (т.е. шляпка) — кажется, дважды, в первой строке ст-ния «Эксцессерка» («Ты пришла в шоколадной шаплетке...») и в ст-нии «В коляске Эсклармонды» («Я еду в среброспицной...»). «Мороженое из сирени» — одно из самых известных северянинских стихотворений.

¹³ Аллюзия на знаменитый «Эпилог» («Я, гений Игорь Северянин...») и, вероятно, на не менее известную «Прощальную поэзу» («Я так устал от лъстивой свиты...»).

¹⁴ Петербургский футурист-самоубийца — почти наверняка Иван Васильевич Игнатьев (1892–1914), но приведенные далее стихотворения весьма далеки по манере от его известных сочинений.

Особенно невозможен ночью,
Вскакивает, рычит, смердит,
Шарит на кухне и в буфете,
Нахально требует еды...

Футуризма тут мало, а понравился, вероятно, «народу» живой, милый образ старого русского забулдыги.

Наступила война 1914 года.

Почти все члены нашего «клана» были облачены в солдатские шинели, вскоре попали на фронт, открылись страницы жизни такой далекой от всяких «засахаренных крыс».

Запомнился приезд поэта Бальмонта в Москву (в начале 1914 г.?)¹⁵. Он недавно приехал из-за границы. Появление его в Москве, в Литературно-Художественном кружке прогремело триумфом. Триумф возник, помнится, потому, что отъезд за границу был вызван преследованиями со стороны властей К.Д. Бальмонта за выступление со стихами, зовущими к «ниспровержению самодержавия».

В 1914 г. поэт (как будто без особых чинимых властью беспокойств) возвратился домой.

Когда он всходил по лестнице Литературно-художественного кружка — гордо подняв голову с мечущими огни шевелюрой и глазами, в заграничном костюме, в окружении дам (вероятно, родных его) — долго звучали аплодисменты встречавших его членов и гостей Литературно-Художественного Кружка. Был и я там и аплодировал неистово. Его приветствовали старейшины Кружка. Молодой поэт Сергей Дурылин зачитал взволнованно обращение, в котором приветствовался Бальмонт, как идущий рядом с другими вождями русской поэзии — Брюсовым, Белым, Блоком...¹⁶

Кружком в честь К.Д. Бальмонта был устроен ужин. Я и кто-то из нашего «клана» сидел довольно далеко от стола, где чествовали Бальмонта, музыкальным *cop trio*¹⁷ гремели там какие-то шутки и по-

¹⁵ Бальмонт вернулся в Москву утром 5 мая 1913 г. Весьма значительные подробности его московского чествования, основанные на газетных хрониках, приводятся в: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. М., 2010. С. 533–535.

¹⁶ В газетной хронике писалось: «Представитель общества молодых поэтов “Лирика” С.Н. Дурылин говорит: — Приветствую дорогого поэта от лица общества молодых поэтов, которому дороги имена четырех русских поэтов, имена которых, по странному совпадению, начинаются на букву Б: Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок» (*Б.н.* Чествование К.Д. Бальмонта // Русское слово. 1913. № 105, 8 мая. С. 6). Это довольно редкий случай выступления Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) в подобном статусе.

¹⁷ Оживленно (*um.*).

эта и чествующих его писателей, артистов, дам. Бальмонт читал стихи. Одно — в небольшой части — запомнилось:

Четверть века, четверть века
 Разве значит что-нибудь
 Для такого человека,
 Пред которым дальний путь?...¹⁸

Встреча Бальмонта в Лит. худ. Кружке обошлась без выступлений футуристов, и не помню, был ли кто из них там¹⁹.

МОСКВА 1914. НЕУДАВШИЙСЯ ДИСПУТ В ОСОБНЯКЕ.

В начале 14 года Е.И.Л. созвала в свой особняк на литературный вечер писателей, художников...²⁰

Приглашения получили они через художника Миллиоти Н., старого, с красивым лицом, обрамленным живописной бородакой. Был приглашен и я. Народа собралось много, но, конечно, запомнились немногие: художники Ларионов, Феофилактов, Миллиоти Н., писатели Топорков А.К.²¹, Шершеневич В., поэт и «мистагог» Вячеслав Иванов, издатель «Альционы» А.М. Кожебаткин.

¹⁸ С неточностями цитируются первые строки ст-ния «Четверть века» («Неужели четверть века...») — *Бальмонт К.Д.* Белый зодчий. СПб., 1914. С. 22).

¹⁹ Мозалевский ошибается: на этом вечере состоялось знаменательное выступление Маяковского, подробно освещенное прессой, см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. I: Боевое десятилетие. Кн. 1. С. 534–535.

²⁰ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чицова; 1880 или 1881 — 1936) — художница и собирательница. Ее московский адрес — Смоленский бульвар, д. 8. Ср. ее характеристику из воспоминаний Н.Г. Чулковой: «Эта дама — художница и меценатка — была богата и щедро помогала художникам в их нуждах. У нее был салон, где появлялись знаменитости Москвы и Петербурга. Тут бывали философы — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, поэты Андрей Белый, Вяч. Иванов, Бальмонт, Балтрушайтис, писатели — Максим Горький, Бор. Зайцев и другие. Музыканты и живописцы и даже военные генералы. Ее портрет работы В.А. Серова находится в Третьяковской галерее» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карг. 6. Ед. хр. 1. Л. 77). Регулярное участие упоминаемого далее Вяч. Иванова в ее вечерах началось в последних числах 1914 г.; судя по письму, открывающему архивную папку, до этого он посещал ее единожды: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович! В прошлом году Вы как-то посетили один из моих вечеров, завтра у меня собирается небольшая компания беседовать о Франции. Мне было бы страшно приятно, если бы Вы не отказались присутствовать на вечере» (письмо от 25 декабря 1914 (?) г. // РГБ. Ф. 109. Карг. 29. Ед. хр. 35. Л. 1). Таким образом, описываемый Мозалевским вечер скорее относится к 1915 г.

²¹ Алексей Константинович Топорков (1882–1934) — философ и искусствовед.

То было время споров (и ссор) о путях искусства, о футуризме. Воинствующий Маринетти, глава итальянских футуристов, в те месяцы (начало 1914 г.) приезжал в Москву, шумел.

В салоне Е.И.Л. Миллиоти предложил собравшимся обменяться мнениями о путях искусства, о футуризме, его сущности. Но разглаголы не клеились. Вячеслав Иванов (в черном сюртуке напоминал профессора словесности) начал было что-то давно знакомое о «Дионисе» в искусстве. Его, однако, не слушали... Он обиделся и замолчал. Начал объяснять собравшимся Ларионов, что такое «лучизм» в живописи (это направление, насколько помню, сам Ларионов и придумал). Звучали слова «пуантилизм», «кубизм». Но говорили неохотно, вяло.

«Лучизм» Ларионова мне посчастливилось видеть в натуре. Как-то в 1913 году он завел А.М. Кожебаткина и меня в свою студию (где-то в районе Козихинских переулков) и, показав на полотне несколько пятен и линий, сделанных масляной краской, сказал А.М. К.-ну: «Автопортрет... Похож?» Я молчал. А А.М. К.-н ответил протяжным: «Да-а-а»²². Впрочем, на вершинах лучизма Ларионов пробыл недолго.

Возвращаясь к литературному вечеру. Беседа не удалась. Вернее, все заговорили, кто во что горазд — о новых книгах, о «Современном» театре, занимавшем тогда Московского зрителя, зрителя восхищенного или удивленного режиссерскими неожиданностями смелого талантливого режиссера этого театра Марджанова (Марджанишвили)²³. Звенел обольщающим металлом голос юного Вадима Шершеневича, — цитировавшего французского поэта Жюль Лафорга (он переводил стихи этого поэта, изданные «Альциной» в 1914 г.²⁴).

А потом все облегченно громко, иные тихонько, вздохнули, когда позвали к ужину, за которым немало ели, и немало же и пили.

Часа в 2–3 ночи разошлись, и вот настоящие-то горячие, хоть и не совсем связные, дебаты о футуризме начались на улице у «парадного подъезда».

Ларионов обругал презрительно Феофилактова: «график». Тот ответил ему не менее презрительно — «футурист»! Кто-то грозил кому-то дракой и лез в эту драку.

²² Несмотря на описанный скепсис, А.М. Кожебаткин держал в своей коллекции несколько произведений М.Ф. Ларионова, см., напр., пометы в каталоге: *Эганбюри Э. [Здацевич И.]* Наталия Гончарова, Михаил Ларионов. М., 1913. С. XVI, XVIII (II паг.).

²³ Марджанишвили Константин Александрович (1872–1933) в 1913 г. создал вместе с В.В. Суходольским Современный театр, просуществовавший до весны 1914 г.

²⁴ *Лафорг Ж.* Феерический собор / Вступ. ст., пер., примеч. и библиогр. В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича. М., 1914.

Но благоразумные гости пристыдили спорщиков, затеявших шум в 2-х шагах от гостеприимного особняка. Драка рассосалась. Но «вечер» не удался, что такое «футуризм», так и не выяснили.

ПЕТРОГРАД 1916 г.
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «МЕДНЫЙ ВСАДНИК».
ВСТРЕЧА С ЕСЕНИНЫМ. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
(МОСКВА 1925 г.)

В начале 1916 г. я несколько дней отпуска (приехал из действующей армии, прямо из окопов) провел в Петрограде. Кто-то из знакомых мне писателей, то ли Борис Садовской, то ли Юрий Слезкин, ввел меня на вечера литературного Общества «Медный всадник», возникшего в 1915 году²⁵.

Литературно-музыкальные вечера Общества, на которых мне удалось побывать, происходили в те военные годы на «частных» квартирах, у профессоров Святловского, Степанова²⁶ и др.

Для меня, вырвавшегося из обледенелых болот, разрушенных белорусских деревень и других принадлежностей первой линии окопов, о которых подробно вспоминать здесь, пожалуй, неуместно, было большим неожиданным счастьем видеть в просторных светлых комнатах примечательных людей столицы из мира литературы, музыки, поэзии, науки, многих, кого видал на вечерах «Общества», позабыл, но прекрасно помню, бывали там поэт Гумилев (тоже был в отпуске с фронта, на рубашке его защитного цвета — георгиевский крест²⁷). Был он, Гуми-

²⁵ История основанного в 1915 г. общества «Медный всадник» до сих пор не написана; предварительный очерк см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 115–116. Первый вечер состоялся в марте 1916 г., см. газетный отчет: *Боцяновский В.* О «Медном всаднике» // Биржевые ведомости. 1916. № 15 (439), 13 марта (веч. вып.). С. 4; см. также примеч. 30.

²⁶ Святловский Владимир Владимирович (1871–1927) — профессор Петербургского университета, историк, экономист. Степанов — вероятнее всего Виктор Владимирович (1868–1950), статистик, профессор Петербургского университета; о нем см.: *Корнев В.П.* Видные деятели отечественной статистики. 1686–1990. Биографический словарь. М., 1993. С. 151–152. Участие его в обществе прямо не документировано; Л. Рубанов упоминает в мемуарах о «Медном всаднике»: «“Закрытые вечера” [...] происходили раз или два в месяц на частных квартирах — то у профессора Святловского, то у профессора Степанова на Большой Пушкинской на Петербургской Строне, то в квартире профессора Рейснера на Первой Линии Васильевского Острова, то в квартире самого Слезкина на Почтамтской, и изредка в ресторане “Вена”» (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник» // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 468). Из Степановых, живших в 1915 г. на Большой Пушкинской, профессор только один.

²⁷ Гумилев был в Петрограде с 20-х чисел сентября 1915 г. до марта 1916 г. (см.: *Степанов Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014. С. 214–228);

лев, в тот вечер молчалив, стихов не читал. Не скрою, с очарованием, первый раз в жизни не на сцене, увидел в роскошном (иного слова не подыщешь) туалете артистку Лидию Борисовну Яворскую, вспомнив, как не так давно нас, гимназистов, приводил в сладостный трепет ее чуть хрипловатый голос в пьесе с названием «Заза»²⁸. Она пришла на «вечер» довольно поздно, вероятно, после спектакля, в сопровождении «человека в черном» (м.б. во фраке?). Как узнал я позднее — муж ее, драматург Барятинский²⁹. На одном из вечеров молодой композитор, тоненький, розовощекий, играл на рояле. Мне пояснили: «талантливый, блестящий, начинающий композитор Сергей Прокофьев»³⁰. Помню другой «вечер» в квартире профессора Степанова. Был там профессор литературовед Арабажин³¹, профессор Рейснер с бойкой дочерью-подростком (это была хорошо известная советскому читателю умершая молодой смелая одаренная писательница и очеркистка Лариса Рейснер³²), писатели Слезкин, Сергей Ауслендер, Рославлев Ал. в бархатной куртке, весьма плотный, веселый, несколько развязный (он много ел и немало пил за ужином),

вероятно, описываемый вечер состоялся во второй половине марта.

²⁸ «Заза» — пьеса П. Бертонна и Ш. Симона; главная ее героиня была одной из коронных ролей Лидии Борисовны Яворской (1871–1921) — в Театре Литературно-художественного общества, «Новом театре» (ей принадлежавшем) и др.

²⁹ Владимир Владимирович Барятинский (1874–1941).

³⁰ Прокофьев, выбранный в правление «Медного всадника» в январе 1916 г. (см.: Прокофьев С. Дневник. 1907–1933 (часть первая). Paris, [2002]. С. 585), отмечал в дневнике выступление 4 марта 1916 г.: «В половину двенадцатого я поблагодарил посла [...] и отправился на первый закрытый вечер “Медного всадника”, что, за неимением собственного помещения, происходило в квартире профессора Святловского. Там был полный разгар, хотя музыканты почти все отсутствовали. Я играл с успехом, но русские поэты оказались позади французских любителей: “Сарказмы” их смутили, а хозяин квартиры даже рассердился и в соседней комнате говорил: “Ну да, конечно, Прокофьев показал своими предыдущими вещами, что он талантлив, но это всё же не дает ему права издеваться над публикой своими последними вещами!”» (Там же. С. 594–595). Играл он также 16 марта, присутствовал на вечерах 25 марта, 1 апреля и 15 апреля (Там же. С. 598, 602, 604, 608–609). Об одном из эпизодов исполнения «Сарказмов», когда под Прокофьевым сломался стул, вспоминает Л. Рубанов (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник». С. 469).

³¹ Константин Иванович Арабажин (1866–1929) — журналист и литературный критик.

³² Краткий очерк о посещениях Л.М. Рейснер общества «Медный всадник» см.: *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 135–136. 1 апреля 1916 г. С. Прокофьев отмечал встречу с ней в дневнике: «Вечером был во “Всаднике” и сцепился с молодой поэтессой Ларисой Рейснер. На поток ее умнейших и непонятнейших слов о моих сочинениях, я отвечал, что авторы, не мудрствуя лукаво, пишут, а так называемые “умные люди” пространно и умно об этих произведениях рассуждают; если же автору случится послушать эти рассуждения, то у него, по крайней мере, на три недели пропадает желание писать» (*Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933 (часть первая). С. 604). Один из членов клуба, актер театра Яворской П. Михайлов, вспоминал о «Медном всаднике»: «[...] собрания общества происходили более или менее регулярно. Иногда на квартире Юрия Слезкина, чаще же у Ларисы Рейснер, отец которой живо интересовался работой общества» (*Михайлов П.* Клуб «Медный всадник» // Нева. 1967. № 1. С. 220).

Борис Садовской в черном сюртуке, бледный, скучный, артистка, пленявшая игрой на арфе, фамилию которой я (бесстыдно!) забыл³³. Были и другие, много что-то народу, и среди них почти мальчик в светлой с воротником, украшенным вышивкой, косоворотке, кудрявый, скромный, застенчивый, он читал стихи, прослушанные большинством с приветливым заботливым вниманием. Но я, увы, принадлежал тогда к некоему озорному меньшинству юношей, понюхавших пороха и покормивших вшей в окопах, и мы не очень заслушивались стихами вообще. Но очень скоро мы пожалели об этом, узнав, что наш мальчик — «крестьянский поэт» — Сергей Есенин, робко, как начинающая Элеонора Дузе или Мария Ермолова, подготавливающий слушателей (публику и толпу) к взрывам своего дарования.

Забегая далеко вперед, скажу, что встречался с Есениным не раз с 1922 г. по 1924 г. в Москве в Книжной лавке имажинистов, на дому у издателя А.М. Кожебаткина, в других местах... но незачем вспоминать. Об Есенине было написано столько воспоминаний и «вранья», и если не «вранья», то такого, о чем совершенно незачем говорить, когда вспоминаешь о поэте, прекрасную голову которого Мельпомена обвила венком бессмертия.

Не могу забыть, как в зимний день 1925 г. бледное тело синеглазого мальчика, которого я встретил впервые в 1916 г. и небрежно слушал его стихи, друзья, родные, молодежь выносили из «Дома Герцена», а поэт Владимир Кириллов, привстав на каменный забор дома, рыдающим, прерывающимся голосом говорил слова прощания...

Из уст в уста передавались стихи:

До свиданья, друг мой,
до свиданья...

ПОЭТ И БЕЛЛЕТРИСТ САДОВСКОЙ БОРИС

С писателем Садовским Б.А. я познакомился в те годы (1913), когда он уже был «не тот», не тот воинствующий защитник позиций «брюсовского символизма», командир отряда войска «Весов», о котором вспоминает в своей книге А. Белый³⁴.

Я встретил его не то в «Альционе», не то на вечере в «Обществе свободной эстетики». Щуплый, бледный, болезненный, с довольно

³³ Ксения Александровна Эрдели (1878–1971). О ее игре на вечере общества вспоминает Л. Рубанов (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник». С. 469).

³⁴ *Белый А.* Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 410–412 и далее.

злобным сердитым выражением выбритого начисто лица. На «кого» тогда он сердился, — мне было неизвестно, да я и не интересовался. Вскоре (1914 г.) я был призван в армию, мельком в те годы встречал Б.А. в Москве, в Петрограде, на вечерах О-ва «Медный всадник», ну, а в году 1930 г. я встретил Б.А. в Москве, увы, разбитого параличом.

Жил он тогда в комнатке, перестроенной из склепа под церковью в Ново-Девичьем Монастыре, сидел почти недвижно в колясочке-кресле, читал, писал (с трудом) и по-детски гордился каким-то странным старомодным костюмчиком, в который почел почему-то нужным одеваться (носил ермолочку и бороду «схимника»).

В таком состоянии Б.А. прожил до 1952 г.

Стихи, проза Садовского идут приметными живописными притоками великих русских рек Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого Л.Н., в стихах и музыка и мысль Фета, Полонского, Баратынского. Будущее страшило его (и, видите, [не] зря, бедняга с 1930 г. «вышел из игры»), болезнь загнала его живьем в б[ывшие] склепы и б[ывшие] кельи Новодевичьего монастыря). XVIII век, эпоха Пушкина, эпоха Наполеоновского изгнания, дворянских усадеб XIX века, мракобесные страсти, блуждавшие в яблочных садах этих усадеб, фантастические «морозные узоры», которыми расписана жизнь его героев — вот частица его творчества, его рассказов, написанных безукоризненным русским языком.

Осмелюсь сказать, что творчество Садовского — это творчество писателя «милостью Божию», и очень жалко, что современный (сегодняшний) читатель вряд ли знает «Узор чугунный» (сборник рассказов, изд. «Альциона», 1912 г.), «Адмиралтейская игла» (сборник рассказов, издан. 1914 (?)), «Морозные узоры» (сборник стихов и рассказов, издан в 1921 г.)

Стихи и рассказы Б.А. много раз печатались в 1907–1930 г.г. в разных журналах, наименование которых говорит об их праве на бывшее доброе существование: «Весы», «Русская мысль», издательство «Круг» (Москва, 1931 г.)³⁵, «Альциона»³⁶. Помню небольшой по размеру сборник стихов Б.А. «Самовар» («Альциона» 1914 г.) с эпиграфом из Я. Полонского — поэзия русского самовара³⁷.

³⁵ Не вполне понятно, о чем идет речь: к 1931 г. издательство «Круг» уже не функционировало. Не участвовал Садовской и в альманахах, ранее выпускавшихся этим книгоиздательством.

³⁶ Журнала «Альциона» не существовало; подразумевается одноименный альманах (Кн. 1. М., 1914).

³⁷ Сборник «Самовар», напротив, весьма большого формата (крупная 4°); он действительно открывается эпиграфом из стихотворения Я.П. Полонского «Колокольчик» («Улеглася метелица... путь озарен...»).

Б.А. до конца дней любил почаевничать и пил чай, настоящий на кипящей водице старинного самоварчика.

Я бывал у него нечасто, но всякий раз мы вели свои «литературные» разговоры (большой частью на темы далекого прошлого века!) под шум самоварчика.

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ НАГРОДСКОЙ Е. ПЕТРОГРАД 1916 г.

Я уже говорил, что в начале 1916 года я ехал в отпуск (в Москву) с фронта, где сидел в окопах подле озера Вишнево³⁸.

Проездом позадержался в Ленинграде (Петрограде), хотелось глотнуть всего того, чем был тогда Питер богат — театры, кино, встречи со знакомыми писателями, ну, конечно, надо было посетить хваленый литературный кабак: «Бродячую собаку» (о нем много писали)³⁹. Кто-то, уже не помню кто, передал мне, что со мною очень хочет познакомиться писательница Е. Нагродская, автор прогремевшего в те годы большого «женского» романа «Гнев Диониса», романа, покачнувшего славу романов другой очень популярной женщины романосозидательницы Вербицкой. «Гнев Диониса» как будто и в кинокартину преобразен был⁴⁰.

А я был тогда, в сущности, мальчишкой, «лихим» фронтовым прапорщиком, фертом блистающим, как и многие в моем роде, попав в тыл в новеньком френче, с шашкой на боку, и может быть, и при шпорах на сапогах с голенищами выше колен.

Желание Нагродской познакомиться со мной, автором «Фантастических рассказов» (изданы в 1913 г.), достоинство которых она, думается мне сейчас, преувеличила, польстило «бедному армейскому прапорщику». Словом, я провел вечер, вернее, весьма плотно «изысканно» поужинал в квартире Нагродской в обществе ее и ее мужа инженера, типичного внешне холодного подобранного питерского чиновного интеллигента⁴¹, напомнившего мне Орлова-сына из «Скучной истории» А.П. Чехова⁴².

Нагродская оказалась дамой средних, может быть и выше средних, лет, говорлива, фигурой полна, одета в нарядный домашний туалет. После ужина много с ней курили (ее ароматные папироски) и говорили

³⁸ Вишнево озеро на северо-западе Белоруссии.

³⁹ Анахронизм: «Бродячая собака» закрылась 3 марта 1915 г. Вероятно, Мозалевский подразумевает «Привал комедиантов», открывшийся в апреле 1916 г.

⁴⁰ Фильм по «Гневу Диониса» был снят Я. Протазановым; не сохранился. См.: *Арлазоров М. Протазанов. М., 1973. С. 271; Яков Протазанов: Сб. статей и материалов / Сост. М.Н. Алейников. М., 1948. С. 318.*

⁴¹ Владимир Адольфович Нагродский (1872 — после 1935) — инженер, высокопоставленный железнодорожник, писатель.

⁴² Мозалевский путает «Скучную историю» и «Рассказ неизвестного человека», подразумевая последний.

о литературе русской военных лет, ругали «военные рассказы», заполнившие тогда журналы и газеты.

Нагродская владела в совершенстве искусством *causeur*⁴³, была остроумна. В комнате на стене висел портрет ее — волосы обтянуты ярким шарфом, «кричали» яркокрасные губы, в зубах — папироска.

Я (в каких выражениях, не помню) похвалил и оригинал и художника.

— Э, что вы! — улынулась Нагродская. — Он написал меня какой-то бандершей...

Больше я никогда уже не встречался с Н.

То было предгрозовое время — 1916 г. На фронте бессмысленно гибли солдаты от немецких пуль, снарядов, цинги, уже не хватало винтовок, снарядов. А в столице безобразничал Распутин, предатель Мясоедов продавал военные тайны, армия Манасевичей-Мануйловых⁴⁴ спекулировала чем угодно, вплоть до отечества и «дыма» отечества, коррупция чиновников, коммерсантов росла быстрее, чем цены на продукты и товары...

Чувствовались шаги наступающей революции.

ПЕТРОГРАД 1916 г. МОСКВА 1922 г.

ПИСАТЕЛЬ АУСЛЕНДЕР С.А.

В Киеве в 1908 (или 1909) я прочел рассказ Ауслендера С.А. «Ночной принц»⁴⁵.

Об увлечении творчеством Т.А. Гофмана своим и «маленького клана» я уже говорил. Рассказ Ауслендера шел из таинственных переулков гофманских фантастических рассказов, показался нам интересным, и мы вскоре прочли и другие рассказы Ауслендера в сборнике «Золотые яблоки»⁴⁶. Я уже не помню их сейчас, но точно помню — обдало нас ароматом (и иными запахами) эпох, которые мы так любили — XVIII век, предвозвестник Великой Французской революции. Но увлечение рассказами Ауслендера было недолг[им], нам голову кружили другие писатели, которых мнили мы титанами (а может быть, иные из них и есть титаны!) — Ибсен, Гамсун, Бальзак, Флобер...

⁴³ Непринужденная беседа (*фр.*).

⁴⁴ Сергей Николаевич Мясоедов (1865–1915) — полковник русской армии, повешенный по обвинению в шпионаже (вероятно, ложному); Иван Федорович Манасевич-Мануйлов (1869–1918) — журналист, недолгое время управлявший канцелярией премьер-министра, агент тайной полиции, авантюрист.

⁴⁵ Впервые (с подзаголовком «Романтическая повесть»): Аполлон. 1909. № 1. Пар. II. С. 33–69.

⁴⁶ Книга рассказов Ауслендера (М., 1908).

И уже в 1915 г. в годы войны я познакомился с С.А. Ауслендером на вечере петроградского литературного сообщества «Медный всадник». Я был в форме армейского прапорщика, Ауслендер в форме т.н. «земгусаров»⁴⁷. Я увидел грустное, чем-то весьма озабоченное красивое лицо юноши. Он был очень приветлив, похвалил прочитанный мной рассказ.

В 1918 году мы в Москве (в начале года) дебютировали с ним в так называемых «живых альманахах». Читал он свой рассказ «Вечер у г-жи де Севираж»⁴⁸. Лицо его было всё так же задумчиво грустно.

Что представляли собой «Живые альманахи», я скажу ниже. В своих воспоминаниях, увидевших свет в 1930–31 гг., Андрей Белый показывает нам какого-то избалованного бэби вместо Ауслендера⁴⁹, несколько не похожего на того Ауслендера, которого встретил я сначала в 1915, 1918, а потом после перерыва — в 1922 или 1923 г. в Москве во Всер[оссийском] Союзе Писателей⁵⁰. С того времени С.А., как говорилось тогда, «переключился» на писание рассказов для детей и очень преуспевал в этом писании. Повести его издавались Госиздатом, пьесы шли в детском театре. Из юноши времен «Ночных принцев» он превратился внешне в какого-то ученого монаха францисканца — задумчиво-строгий, скромный. Мы были большими друзьями, хотя и в те годы 1924–27 гг. [sic!] подолгу спорили о рассказах (детских), которые писал он и другие детские писатели. Я находил (тогда) скучными и надуманными эти рассказы и противопоставлял им «Детство» Л.Н. Толстого, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, Тома Сойера, Гэка Финна и даже... «Алису в стране чудес» и «Маленький лорд Фаунтлерой».

С.А. мягко и грустно возражал мне. Вероятно, оба были неправы. С 30-х годов я потерял С.А. из виду⁵¹.

⁴⁷ Земгусар — слегка насмешливое прозвище служащего Земгора (Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов). Представляя тыловую службу снабжения армии, работники комитета носили военную форму без знаков отличия, хотя в боевых действиях участия не принимали. Ауслендер служил по линии Всероссийского земского союза, причем с весны 1916 по ноябрь 1917 г. находился в Белоруссии (см.: *Бурлешин А.* [Рец. на:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. Роман, повести, рассказы. Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Грачевой. СПб., 2005 // Критическая масса. 2006. № 3. С. 83).

⁴⁸ Правильно — «Вечер у господина де Севираж». Впервые: Белые ночи: Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 37–49.

⁴⁹ Имеется в виду карикатурное изображение Ауслендера в третьей части мемуарной трилогии: *Белый А.* Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 298.

⁵⁰ Ауслендер вернулся в Москву (после службы в армии Колчака и нескольких лет жизни в Сибири) осенью 1922 г.; см.: *Бурлешин А.* [Рец. на:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. С. 83.

⁵¹ Вероятно, Мозалевский мог знать (или, по крайней мере, догадываться), что в 1937 г. Ауслендер был арестован и вскоре расстрелян.

Он был романтик. Любил Россию, Петербург (Питер), Пушкина и... свои рассказы и пьесы для детей.

К сожалению, его имя и творчество смыты волнами забвения.

ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ СЛЕЗКИН

В 1909 или 1908 г. мы прочли в журнале «Русская мысль» рассказ Юрия Слезкина «Когда лекарства не помогают»⁵². Незадолго до войны 1914 г. прочли прошумевшую среди студенческой молодежи повесть Ю.С. — трагическую «Ольгу Орг»⁵³.

Спорили. Одни не нашли в творчестве Ю. Слезкина ничего примечательного: — «молодой Потапенко, не больше». Другие, в том числе и я, заметили в нем самобытно талантливого правдивого писателя, интересного и по языку и по сюжетам и, как было принято, определили ему «место», место повыше Арцыбашева, Винниченко, и не ниже Андреева и Куприна.

В 1915 году я познакомился со Слезкиным в Петрограде в литературном обществе «Медный всадник». Внешне был он то, что называется «писанный красавец», стройный брюнет, одетый по-уайльдовски нарядно. Был он весел, остроумен, приветлив, держался, правда, под «признанного писателя», но доброжелателен к «молодым» Я был в Петрограде проездом на несколько дней, но он — по своей инициативе — «водил» меня во всякие литературные места, устроил у себя дома «мой» вечер, т.е. чтение моего рассказа. На вечере были писатели — Кузмин М.А., Рославлев А. и еще какие-то молодые писатели, очарованные Слезкиным, как «мэтром».

Вновь встретился я со Слезкиным, уже в 1923 г. в Москве, и «от нечего делать» или по иной причине мы подружились, часто встречались, то в Союзе писателей, то в литературном сообществе «Зеленая лампа», где он не раз читал свои рассказы — «Столовая гора», «Шахматный ход», «О голом человеке»⁵⁴. Был он писателем деятельным, энергичным, с хорошей писательской «хваткой», хорошо разбирался в тогдашних, преимущественно «частных» издателях (нередко «пиратских»), и произведения его в 1923–26 г.г. в ящиках писателя не залеживались. И (я думаю,

⁵² Русская мысль. 1913. № 1. Стр. 1. С. 7–40.

⁵³ Впервые: Русская мысль. 1914. № 3. Стр. 1. С. 136–166; № 4. Стр. 1. С. 73–117; № 5. Стр. 1. С. 141–188. Отд. изд.: Пг., 1915.

⁵⁴ «Столовая гора» — роман Слезкина, окончанный в 1922 г. (о его завершении сообщалось в «Новой русской книге»: 1923. № 1. С. 46) и напечатанный под заглавием «Девушка с гор» (М., 1925); «Шахматный ход» с подзаголовком «Повесть смутных украинских дней» вышел отдельным изданием в Харькове (фактически в Симферополе) в 1924 г.; «О голом человеке» — правильнее «Голый человек. Украинское происшествие» (М.–Л., [1926]).

простит мне покойный Юрий Львович эту часть воспоминаний о нем) он порою ухитрялся один и тот же рассказ сунуть двум издателям-дельцам под разными названиями. Но он из этого не делал никакой тайны, а, наоборот, в забавной форме рассказывал своим друзьям — поэтессе Екатерине Галати, профессору Косвен, писателю Д. Стонову⁵⁵, мне, другим о своих «проделках».

И тогда, в те годы Ю.Л. нравилось прослыть «мэтром», он «выводил в люди» молодых писателей, способствовал (бескорыстнейше!) изданию их произведений. Он был исключительно доброжелателен к ним, и некоторые поныне здравствующие писатели, вероятно, благодарны Ю.Л. за дружескую помощь в те не очень легкие для утверждения писателя годы. Много в этом смысле сделал он и для М.А. Булгакова, но тот довольно скоро стал летать на своих собственных крыльях.

МОСКВА 1918 г. «КАФЕ ПОЭТОВ» «ЖИВЫЕ АЛЬМАНАХИ».

В начале 1918 года какие-то ловкие предприниматели открыли в помещении не то гаража, не то сарая в Настасьинском переулке «Кафе поэтов»⁵⁶. То были суровые дни разрухи, отсутствия продовольствия, эпоха мешочников, мелких спекулянтов. Зачиналась жестокая гражданская война на Дону, на Украине. Хлеб в Москве получали мы (служащие) 1/4 и 1/8 фунта, мерзлую картошку покупали у мешочников. На М. Дмитровке в здании б[ывшего] Коммерческого клуба безобразничали вооруженные молодцы, именовавшие себя анархистами, и артист Мамонт Дальский там верховодил (ранней весной два-три артиллерийских снаряда выкурили этих молодцов из их «замка»)⁵⁷.

⁵⁵ О поэтессе Екатерине Александровне Галати (1890–1935) см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 1. М., 2013. С. 58–78. Ее муж — историк и этнограф Марк Осипович Косвен (1885–1967). Их знакомый — писатель Дмитрий Миронович Стонов (наст. фам. Влодовский; 1892–1962).

⁵⁶ Официальный адрес «Кафе поэтов» — Настасьинский пер., д. 1/53. Открыто оно было 21 или 22 ноября 1917 г. (см. значительное число попутных свидетельств, собранных нами в комментариях к воспоминаниям Н.Н. Захарова-Мэнского: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 245–276).

⁵⁷ «Дом анархии» на Малой Дмитровке (д. 6) был взят с боем в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г., см.: *Польская Л.И.* Улица Чехова, 6: Биография московского дома. М., 1991. С. 31–35; ср. воспоминания свидетеля: *Каверин В.* Освещенные окна: Трилогия. М., 1978. С. 303; здесь тоже называется имя актера и анархиста Мамонта Викторовича Дальского (1865–1918). См. также исключительно любопытные мемуары о Дальском-анархисте: *Виноградов С.* Прежняя Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига, 2001. С. 183–188 (глава «Анархисты. Из скверных воспоминаний»).

Кайзеровская армия угрожала вторжением в Смоленск, Ленинград (Петроград). А иные московские обыватели, недовольные властью «большевиков», шушукали о приближении немецких касок к... Москве!

И вот в такое-то время вдруг родилось «Кафе поэтов». Стены были размаляваны некими «футуристическими» или, как называли их, «супрематистскими», разноцветными геометрическими фигурами, не помню, еще какими орнаментами, но отчетливо помню надписи у входа в «туалет»:

— Голубицы! Оправляйте свои перышки! (ж)

— Голуби! Оправляйте свои перья! (м)

Авторство надписей приписывалось Маяковскому⁵⁸.

За вход в Кафе брали какую-то большую мзду (в «керенках»), а еще дороже стоил отвратительный жидкий чай и кофе (типа «кофэ-бурдэ!»).

Выступали на эстраде все, кому это захочется. Безобразных скандальных выступлений не помню. Публика преимущественно поэты, журналисты, студенты, дамы в туалетах и наглых и нарочито простых, и какие-то в военной форме, в кожаных куртках и при револьверах. Запах духов, спиртного (но происхождения — внешнего, ибо в «Кафе» спиртного в те дни, по крайней мере, когда я бывал там, не отпускали), запах тел и... плохо оборудованных уборных. Повторяю, что с эстрады читались самые разнообразие стихи. Я отчетливо помню — заставлял молчать и восхищаться стихами своими Маяковский, порою был он там чем-то вроде конференсье и не давал какому-нибудь незадачливому поэту подолгу утомлять слушателей скучными стихами (а поэтов развелось тогда немало).

Читал какие-то в меру скучные стихи поэт Пимен Карпов⁵⁹, разодетый, как картинка, голосом, конкурирующим с зычным побеждающим голосом Маяковского, скандировал свои и иных поэтов (Лафорга?) стихи поэт Вадим Шершеневич, высокий, статный, блистательный, нарядный. Читали стихи и поэтессы, лица которых видел я впервые в жизни. Одна из них, молоденькая брюнетка в ярко красном платье и в такого же цвета шарфе на густоволосой черной голове, пыталась порадовать нас чтением длиннейшего стихотворения Бальмонта⁶⁰. Ее перестали слушать, а Мая-

⁵⁸ Об этих же надписях (без указания их авторства) вспоминает один из посетителей: «В двух противоположных углах зала было отгорожено два помещения. На дверце одного из этих помещений были изображены те же “птички” и написано: “Голуби, оправляйте ваши перышки” — а на дверце противоположного помещения было написано: “Голубицы, оправляйте ваши перышки!”» (Восп. В.Ф. Федорова. Цит. по: *Федорова Е.В.* Повесть о счастливом человеке. М., 1997. С. 13).

⁵⁹ Редкое свидетельство о выступлении в «Кафе поэтов» Пимена Ивановича Карпова (1886–1963).

⁶⁰ Возможно, Елена Владиславовна Бучинская (1894–1957) — младшая дочь Н.А. Тэффи, выступавшая в «Кафе поэтов» с декламацией чужих стихотворений.

ковский галантно устроил ей незаметное отступление с эстрады. Долго ли просуществовало это Кафе — не знаю, так как перестал его посещать.

На Кузнецком мосту вскоре открылось размалеванное художником Георгием Якуловым Кафе художников «Питтореск»⁶¹. Якулов много раз на сборищах художников, писателей и поэтов в издательстве «Альциона» в 1913–14 гг. говорил о «разрешении живописных проблем на скоростях стекол»⁶². Его теории тогда, да и сейчас, представлялись мне малопонятными, но в кафе «Питтореск» стены были расписаны призмами, кругами, параллелепипедами всех цветов спектра, видать, это и было «построение на скоростях стекол».

В кафе «Питтореск» побывал я один раз. Было там всё «чудовищно» дорого, чай, печенье, было малоллюдно, холодно и скучно.

В начале 1918 г. какие-то иные молодые и резвые предприниматели преимущественно из «помощников присяжных поверенных» (адвокатов) при участии «дельных» из числа поэтов и писателей (назову на память Вадима Шершеневича) придумали «Живые альманахи». В не утративших фешенебельности 2–3 московских кафе (пример — кафе «Трамблэ» на Петровке⁶³) писатели и поэты читали публике кафе свои стихи, рассказы, выступали и артисты и певцы.

Публика самая разнообразная — студенты, юнцы и девушки без определенных занятий, артисты, артистки. Были и субъекты, занятые спекуляцией, куплей-продажей самых разнообразных вещей, и под звуки арфы, цитры или под стихи поэта о том, как удавили Павла I-ого (смутно помню такие стихи, а кто писал и читал, забыл!⁶⁴), продавались-покупались... дома, имения, коньяк, бриллианты, предлагались всякие грузы — вагон с фруктами, вагон муки, спекулировали кокаином, валютой («испытанные остряки» пустили в ход такие перлы: — «он выгодно продал вчера два вагона дирижерских палочек...»). «Живые

⁶¹ Кафе «Питтореск» (Кузнецкий мост, д. 5) было открыто 30 января 1918 года в помещении бывшего магазина «Сен-Галли».

⁶² «Построение на скоростях стекол» — подзаголовок картины Г. Якулова «Городская живопись», экспонировавшейся на выставках 1913 и 1914 гг. (см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 306).

⁶³ Знаменитая московская кофейня «Трамбле» (угол Петровки и Кузнецкого моста; д. 3/5 по старой нумерации).

⁶⁴ Имеется в виду Лев Вениаминович Никулин (Лев Владимирович Ольконицкий; 1891–1967), впоследствии крупный советский прозаик, а на тот момент — юный поэт. В газетной хронике при описании поэтического состязания упоминалось: «Первым из поэтов выступил Л. Никулин, прочитавший отрывок из поэмы “Павел I”» (*П.Е.* «Спекуляция на поэтах» (Выбор короля поэтов) // Раннее утро. 1918. № 31, 28 (15) февр. С. 4). Момент гибели Павла запечатлен в его ст-нии «Граф фон дер Пален» («Над пламенем — седая голова...»), составляющем часть поэмы: «“Sire! Nous venons...” “Не медлите!.. Ударь! / Еще ударь!.. Довольно... Вздуйте вены”. / И царствует великий государь, / И правит государь благословенный» (*Никулин Л.* Страдиварий: Стихи. Кн. вторая. Киев, 1919. С. 8).

альманахи» широко рекламировались розовыми, голубыми, зелеными афишами на заборах.

Но почти на одну треть публику кафе (чтения происходили вечерами) представляли писатели, поэты, актеры, музыканты, — участники «альманахов».

К сожалению (а, может быть, и не к сожалению!) забылось, кто же были эти участники?

Отчетливо помню голос Вадима Шершеневича (декламировал свои стихи и переводные), цитру музыканта Иодко⁶⁵, рассказ, читанный Ауслендером С.А. об аристократе-снобе, который день взятия Бастилии провел игриво, «как ни в чем не бывало»⁶⁶. Читал там (стихи) и К.А. Большаков⁶⁷. Какой-то рассказ свой читал и я.

«Живые альманахи» прожили довольно мотыльковую жизнь — существовали месяца два и как будто «прогорели».

Участники альманахов получали, разумеется, гонорары, но тут же проедали их — кофе, печенье, пирожки стоили уже немало! А на порцию сосисок гонорара, пожалуй, не хватало.

МОСКВА 1921 г. И-ВО «КОСТРЫ», «ФЕНИКС».

Н.А. АРХИПОВ

Да, много встреч-угольков, разгорающихся порой в золе воспоминаний. «Иных уж нет...» Увы, многих нет!

В 1921 (или 1922) г. познакомился я с писателем и издателем Николаем Архиповичем Архиповым⁶⁸. Он и «вел» тогда издательство «Костры», издавал альманахи «Феникс». Печатались там А. Ахматова, Г.И. Чулков, Новиков И.А., Борис Зайцев, Архипов Н.А.⁶⁹

⁶⁵ Витольд Ромуальдович Иодко, музыкант и автор книги «Цитра: Краткий исторический очерк и описание инструмента» (М., 1914). В 1918 г. он участвовал в вечерах, организованных А. Вертинским. Согласно разысканиям В.А. Дроздова, участвуя в «Живых альманахах», Иодко заполнял паузы между выступлениями чтецов игрой на цитре (см.: *Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только: Статьи, разыскания, публикации.* М., 2014. С. 652).

⁶⁶ Имеется в виду рассказ С. Ауслендера «Бастилия взята» (впервые: *Корабли: Сб. стихов и прозы.* М., 1907. С. 73–75).

⁶⁷ Возможно, ошибка памяти: Константин Аристархович Большаков (1895–1938) не упоминается в качестве участника «Живых альманахов» ни в хронике, ни в мемуарах; первое его зафиксированное выступление этих лет — 19 июля 1919 г. на «вечере поэзии» во Дворце искусств (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников.* Библиография. Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 427).

⁶⁸ Архипов Николай Архипович (наст. фам. и имя: Бенштейн Моисей Лейзерович; 1880/1881–1946) — прозаик, драматург, издатель.

⁶⁹ Вышел единственный выпуск альманаха «Феникс» (Вып. 1. М., 1922). Из перечисленных авторов там отсутствует только Иван Алексеевич Новиков (1877–1959), хотя отдельные его книги под маркой «Костров» выходили.

Рассказы Архипова Н.А. созданы в манере благородной «горьковской» школы. Рассказывал он о людях (эпохи довоенной), а один рассказ так и был назван им: «Повесть о человеке»⁷⁰.

В те 1921–22 годы книг выходило мало, а беллетристики, стихов и очень мало. Изданные «Кострами» книги были нужны и интересны читателю.

К сожалению, «Костры» горели недолго. В конце 1923 г. или в 1924 г. «Костры» прогорели⁷¹. Меня в ту пору, находившегося в состоянии не очень благоденственном, они чуточку погрели: один мой рассказ «Двойная смерть» был напечатан в Альманахе «Феникс», другой света не увидел, но издательством был оплачен. Н.А. Архипов был человек дельный, приветливый и весьма доброжелательный к писателям, платил как издатель щедро по тому времени.

В 1921–26 гг. в Москве немало расплодилось всяких литературных кружков и собиралось литературных собраний — «Вторники Окунева» (собирались у писателя Окунева⁷²), «Никитинские субботники» (собирались у писательницы Е. Никитиной⁷³), «цех поэтов» (может быть, «вечера поэтов», название забылось), там «царствовал» Сергей Городецкий⁷⁴. Собирались где-то на улице Герцена. Меня кто-то из писателей повел раз на вечер поэтов. В комнатах народу было настолько много, что я не разобрался сразу, кто же там находится. Помню В. Инбер, С. Городецкого, статную блондинку, кажется «хозяйку салона»⁷⁵, молодой поэт

⁷⁰ Помещена (с подзаголовком «роман») в том же первом выпуске альманаха «Феникс».

⁷¹ Последние четыре книги под маркой «Костров» вышли в 1923 г.

⁷² Салон писателя Якова Марковича Окунева (наст. фам. Окунь; 1882–1932) не принадлежал к числу самых популярных точек литературной Москвы. Ср., впрочем, в покаянном письме крестьянского писателя И.Е. Вольнова к Горькому от 7 марта 1925 г.: «Иногда, по субботам и вторникам, хожу даже в “салоны” т-те Никитиной и Я. Окунева, безличного литератора. Милый Алексей Максимович, как там убого и стыдно! По пузо голые бабы из уборных Парнаса, стилизованный (порассейски) дэнди под кокаином, дон-кихотствующий Иван Рукавишников [...] на фоне разноцветных поденок от литературы. Зачем я хожу? Хочется видеть, знать, наесться, чтобы потом выbleвать и — потерять навсегда вкус к “салонам”, жеманной грации базарных печеночниц; крепче утвердиться в старообрядческой вере своей» (Из переписки А.М. Горького и И.Е. Вольнова / Публ. архива А.М. Горького. Подгот. текста и примеч. И.И. Вольнова // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 79).

⁷³ Об этом, напротив, известном и просуществовавшем много лет литературном обществе см.: *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998.

⁷⁴ Имеется в виду «Московский цех поэтов» (1922 или 1924 — 1927).

⁷⁵ Возможно, Анна Арнольдовна Антоновская (1885–1967), в квартире которой в Брюсовом переулке (недалеко от ул. Герцена) часто проходили заседания «Московского цеха поэтов». Ср. в воспоминаниях Л.В. Горнунга: «Квартира Антоновских находилась в Брюсовском переулке (близ Большого зала Московской консерватории), в одном из больших корпусов, построенных накануне Октябрьской

Сельвинский прочел стихи, показавшиеся большинству дерзкими и чуть вульгарными. Его побранили. Впрочем, он, кажется, отнесся к этому дерзко-равнодушно.

Плеяда пролетарских поэтов объединялась в содружестве «Кузница» — поэты Герасимов, Кириллов, Орешин⁷⁶.

МОСКВА 1921–26 гг. СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

Г.И. ЧУЛКОВ. АНДРЕЙ СОБОЛЬ.

В 1921 г. кто-то из писателей ввел меня и в Всероссийский Союз писателей, помещавшийся на Тверском бульваре д. 27, ныне «Дом Герцена». Не то по субботам, не то в какой-то другой день недели там устраивались вечера — писатели читали рассказы, поэты (что реже бывало) — стихи⁷⁷. Бывал я там в годы 1921–26, что-то познавал, чему-то подучивался.

Запомнилось: Л.П. Гроссман читал о Пушкине «в театральных креслах»⁷⁸, читали Шмелев, Сергей Клычков, Герасимов, Кириллов — рассказы, стихи⁷⁹. Каким-то страшным рассказом поугал Павел Муратов (автор «Образов Италии», романа «Эгерия») ⁸⁰. Нередко слышал я там рассказы (вернее, отрывки из романов) из уст автора Бориса Пильня-

революции. [...] Анна Арнольдовна пыталась соревноваться с другим литературным салоном того времени, который именовался “Никитинские субботники” и был основан тоже в начале НЭПа Евдоксией Федоровной Никитиной, вдовой какого-то профессора Никитина. [...] Среди постоянных посетителей “Цеха поэтов” была Софья Яковлевна Парнок, с которой я очень быстро подружился. Кроме того, там бывали Клара Арсенева, Борис Михайлович Зубакин, несколько раз исполнявший импровизации в стихах на заданную тему. Бывали, но не регулярно, Вера Инбер, Илья Сельвинский и другие» (цит. по: *Романова Е. Опыт творческой биографии Софии Парнок*. СПб., 2005. С. 148). Ср. также: «Мне жалко обидеть хорошего человека, Анну Арнольдовну Антоновскую, но право, ее уютная квартира была иногда достойна перьев Ильфа и Петрова. Это был НЭП в его крайнем выражении» (*Антокольский П. Далеко это было где-то...: Стихи. Пьесы. Автобиографическая повесть*. М., 2010. С. 301). См. о ней: *Черный Б. Связь времен: Жизнь и творчество А. Антоновской*. Тбилиси, 1974.

⁷⁶ Михаил Прокофьевич Герасимов (1889–1937), Владимир Тимофеевич Кириллов (1890–1937), Петр Васильевич Орешин (1887–1938).

⁷⁷ Литературные вечера Всероссийского профессионального союза писателей в 1921 году проходили по понедельникам (кроме нескольких первых).

⁷⁸ «Пушкин в театральных креслах» — название книги (М., 1926) Леонида Петровича Гроссмана (1888–1965). Выступление Гроссмана на эту тему во Всероссийском союзе писателей нам неизвестно.

⁷⁹ И. Шмелев читал повесть «Неупиваемая чаша» на исполнительном собрании Всероссийского союза писателей 10 июля 1922 г. (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников*. Библиография. Т. 1. Ч. 2 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 460) и рассказ «Это было» на подобном заседании 4 сентября 1922 г. (Там же. С. 519); осенью того же года он уехал за границу. Выступления остальных перечисленных авторов были достаточно регулярны.

⁸⁰ Муратов многократно (до своего отъезда в Европу) выступал с чтением новелл, но в хронике запечатлено лишь одно название — «Вергилий в корзине» (рассказ читался 26 декабря 1921 г.); вряд ли речь идет о нем.

ка. Многие писатели и просто слушатели смотрели с восхищением на рослого веселого юношу Пильняка, «подававшего» им по-театральному умело свои произведения. Он выкристаллизовывался, по мнению многих тогдашних арбитров, в большого писателя, «писателя эпохи».

Дебютировал (в 1921 или 1922) с поэмой о Моцарте и Сальери поэт Георгий Шенгели⁸¹. Он как бы внес в пушкинский шедевр (т.е. пытался внести) новую главу — любовь Изоры к Сальери. Критик и искусствовед А. Эфрос — в прениях — не одобрил Шенгели и сказал (примерно, разумеется) так: «Шенгели затеял единоборство с Пушкиным, и, конечно, не могло произойти ничего другого: в этой борьбе Шенгели пал побежденный»⁸².

Читал свои рассказы талантливый писатель Пантелеймон Романов, и его вознаграждали аплодисменты и здоровый (не злопыхательский, отнюдь!) смех.

Читал он и отрывки из своего большого романа «Русь» (ныне забытого без всяких оснований, роман написан кристально русским языком, которым писали и Лесков и А.Н. Толстой, да и многие русские писатели, у которых иным современникам можно бы поучиться).

Деятельное участие в жизни Союза принимали тогда Львов-Рогачевский, Свирский, Новиков И.А., Лидин В.Г., Соболев Андрей, Вересаев В.В.⁸³

В период нэп'а при Союзе (в доме Герцена) открыли ресторан. Конечно, поесть и слегка подвыпить — это не унижает писателя, но, к сожалению, «угар нэп'а» заволакивал в те 2–3 года и этот ресторан-подвал, и не хочется вспоминать тут детали...

⁸¹ Драматическая поэма «Сальери» была прочитана автором на исполнительном собрании Всероссийского союза писателей 16 октября 1922 г. При жизни автора не публиковалась; текст: *Шенгели Г.* Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого; биогр. очерк В.Э. Молодякова. М., 2017. С. 311–329.

⁸² Отзыв Абрама Марковича Эфроса (1888–1954) нам неизвестен. В газетной хронике сообщалось: «На очередном исполнительном собрании (понедельник, 16 октября) читали поэт Шенгели и поэтесса [В.] Клюева. Драматическая поэма Шенгели носит название “Сальери”. Можно было ждать от автора, что он даст что-нибудь оригинальное, свое, раз он берет тему, которую когда-то [так!] разработал Пушкин в своей маленькой трагедии. В действительности получился риторический бесцветный перепев. При этом “Сальери” Шенгели раза в два больше “Моцарта и Сальери” Пушкина. После чтения были прения» (*Б.п.* Союз писателей // Правда. 1922. № 238, 21 окт. С. 8).

⁸³ Перечислены критик Василий Львович Львов-Рогачевский (наст. фам. Рогачевский; 1874–1930); писатели Алексей Иванович Свирский (наст. имя Шимон-Довид Вигдорович; 1865–1942), Владимир Германович Лидин (наст. фам. Гомберг; 1894–1979), Андрей Соболев (наст. имя Юлий Михайлович, вар. Израиль Моисеевич; 1887–1926), Викентий Викентьевич Вересаев (наст. фам. Смилович; 1867–1945). Об И.А. Новикове см. примеч. 69.

Я не был знаком с добрейшим Георгием Ивановичем Чулковым в период его увлечения «мистическим анархизмом», его споров с Андреем Белым, в период разных распрей в лагере символистов, акмеистов. Сказать должен между строк, о символистах, что, по моему глубокому убеждению, в русской литературе (поэзии) не угаснут огни (ну, пусть «огоньки»), зажженные Валерием Брюсовым, Андреем Белым, Ал. Блоком, Бальмонтом, Гумилевым. Но тысячи огоньков других (Гиппиус, Мережковских — поэтов, Адамовича, Г. Ивановых и... всех не перечислишь) давно погасли, не оставив следа.

Возвращаясь к Г.И. Чулкову, познакомился я с ним в 1921 году — седоволосым, внешне «маститым», словно просящимся на полотно Репина или Серова, но в жизни (скромной) очень скромным. В те годы был он по преимуществу литературовед, много работал в области пушкинианы и тютчевианы.

Мы жили в домах, неподалеку находившихся друг от друга, часто встречались на улице, и Г.И. неизменно говорил: «Живу, как апостол Павел — готовлюсь к смерти каждый день».

Г.И. был интересным многознающим собеседником и охотно говорил со мной о Пушкине, Тютчеве, Фете. Но вспоминать и говорить о себе 1908–1914 гг. (мистический анархизм его) не любил, как будто речь шла о другом Чулкове.

Большое участие принимал Г.И. в издательстве «Костры», как будто входил в редакцию. Когда «Костры» потухли, он опечален был немало.

Помню я (озорничая, дело было в молодости) сказал моему большому другу писателю Ауслендеру С., что, мол, Чулков хотя и «держит себя под апостола Павла» и похож на Шулетта из «Красной Лилии» Ан. Франса, а всё же он на самом-то деле по амурным делам... словом, не буду уж повторять те слова.

И что же? Ауслендер, за что я его выругал крепко, передал мои озорные слова Чулкову... и оба они долго хохотали.

В 1922 году я познакомился не то в издательстве «Костры», не то в Союзе писателей с человеком прекрасной широкой души, с интересным вдумчивым честным писателем Андреем Соболев. Детально я уже позабыл бег его жизни, но был путь примечателен и закончился внезапно трагически (в тридцатых годах, в 1931 или 1930 г. он отравился в состоянии депрессии⁸⁴).

⁸⁴ Андрей Соболев застрелился в 2 часа ночи 7 июня 1926 г. (см.: *Хазан В. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот.* СПб., 2015. С. 614–616).

Царское правительство зашвырнуло юношу революционера А. Соболя на каторгу за участие в революционном движении. С каторги он бежал, скитался по другим странам, попал во Францию и был рядовым французской пехоты, воюющей против «бошей» в 1914–1918 г.г.⁸⁵

В 1918 г. он возвратился в Россию, жил в Москве⁸⁶. Сохранились в памяти его рассказы «Пыль», «Салон-вагон», «Сирокко»⁸⁷. «Сирокко» был переделан в пьесу и несколько лет не сходил со сцены Камерного театра.

В творчестве Соболя продолжал (и успешно) великие традиции больших умных русских писателей Чехова, Куприна. Он писал о том, что видел, знал, перечувствовал, а главным героем его рассказов была та «правда», о которой говорил Л.Н. Толстой в «Севастопольских рассказах»⁸⁸.

МОСКВА 1921–1928 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

В Москве на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина) в здании б. Поливановской гимназии с 1920–21 г. по 1929 или 30 г. существовала «Государственная Академия Художественных наук»⁸⁹.

Президентом ее был добрейший, весьма эрудированный, весьма скромный и доброжелательный человек профессор Петр Семенович Коган, над которым не раз в своих стихах (и, будем справедливы, без оснований) подтрунивал Маяковский⁹⁰, не пощадивший, впрочем, ни

⁸⁵ Мозалевский ошибается: Соболя действительно был в 1906 г. осужден и в 1908 г. бежал с каторги (Там же. С. 58, 73), но во французской армии он, по всей вероятности, не служил (см.: Там же. С. 176).

⁸⁶ В действительности Соболя вернулся в Россию в последние дни 1914 или первые — 1915 г. (до 3 января); см.: Там же. С. 177.

⁸⁷ Роман «Пыль» напечатан: Русская мысль. 1915. № 1–4. Отд. изд.: М., 1916. «Салон вагон» — впервые в составе отдельного издания (вместе с повестью «Бред»): М., 1922. Пьеса «Сирокко», поставленная в 1928 г., уже после смерти автора (инсценировка В. Зака и Ю. Данцигера), имела в основе «Рассказ о голубом покое» Соболя.

⁸⁸ Подразумеваются финальные строки рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в мае»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

⁸⁹ Государственная Академия Художественных наук была организована летом 1921 г. и закончила свое существование весной 1931 г.

⁹⁰ Петр Семенович Коган (1872–1932) в неизменно юмористическом контексте упоминается в стихотворениях Маяковского «Пятый интернационал», «Протестую!», «Тамара и демон» и «Сергею Есенину».

Собинова⁹¹, ни... Льва Толстого⁹². Но П.С. Коган к этим ударам меча скорее картонного, чем железного, относился добродушно.

Вице-президентом был Густав Густавович Шпет, человек незаурядный, деятельный, шумный, сохранивший и к зрелым летам задорство буршей из гофманских рассказов, буршей, презирающих мешан-филистеров.

Я знал Густава Густавовича еще будучи студентом Университета (он был тогда приват-доцентом по кафедре философии). Знал и позже⁹³. Но мои воспоминания бледны, и я верю, что кто-то другой, знавший Г.Г. лучше и полнее, напишет и биографию, и воспоминания об этом человеке, об его философских опытах, об его заблуждениях, если они в нем были...

Членом Академии я не был, но в указателе писателей, литераторов, поэтов, изданных ГАХН в 1925 г., был помещен и я, правда, составитель напутал что-то с моей библиографией и биографией и сделал меня «польского происхождения», хотя следовало бы просто написать — «русский»⁹⁴.

Время от времени я получал из ГАХН приглашения на доклады, лекции, концерты. Впервые я познакомился там с музыкой Дмитрия Кабалевского (играл и сам композитор).

Умер в 1922 г. М. Гершензон, литературовед, автор интереснейшей книги «Грибоедовская Москва», и тело его покоилось в большом зале ГАХН, звучала “*lacrimosa*” из Реквиема Моцарта (хор и оркестр ГАХН)⁹⁵.

⁹¹ Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) упоминается в стихотворениях Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» и «Сергею Есенину» (последнее значительно более известно).

⁹² Какое из весьма многочисленных упоминаний Толстого у Маяковского имеет в виду мемуарист — неясно; возможно, в стихотворении «Еще Петербург» («А с неба смотрела какая-то дрянь / величественно, как Лев Толстой»).

⁹³ Среди прочего, Мозалевский был знаком со Шпетом по редакции машинописного журнала «Гермес»; см., в частности, письмо Б.В. Горнунга к Г.Г. Шпету от 23 августа 1925 г.: *Горнунг Б. Поход времени: Статьи и эссе*. М., 2001. С. 325.

⁹⁴ Подразумевается биографическая справка, помещенная в справочнике: Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Ред. Б.П. Козьмина. М., 1928. С. 185–186. Автором этой заметки был Д.С. Усов, что следует из его недатированного (зима 1926) письма к Е. Архиппову (см.: *Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...»*) Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 372).

⁹⁵ Михаил Осипович Гершензон умер в четверг 19 февраля 1925 г. В пятницу и субботу тело его оставалось дома; в воскресенье, 22-го, состоялась панихида в ГАХН и сразу за ней похороны.

Какая-то полная старая дама истерически возвестила, что Гершензон был целомудренным борцом за настоящую литературную правду⁹⁶.

А бедный Гершензон в гробу — маленький, смиренный, так не напоминал «борца»!

В «кулурах» в 1923–24 г. шумел Андрей Белый, в сюжете черном, что-то кому-то доказывал. Я часто прислушивался к его речам, но язык Белого был непонятен: то была пора, когда он писал романы «Москва под ударом», «Московский чудак», а там попадались совершенно «непереводимые» на русский язык слова и фразы вроде «мизикало утро» и др.⁹⁷

Осенним «хрустальным» днем 1924 г. мимо здания ГАХН прошла многолюдная процессия: хоронили В.Я. Брюсова⁹⁸.

С балкона ГАХН кто-то дико крикнул.

Верный друг и бывший соратник Брюсова по боям символистов со всякими врагами Андрей Белый с тоской вспоминал о многом, о юности их, о Поливановской гимназии, которую оба так любили, и рыдающе крикнул в эфир одну из своих путанных фраз⁹⁹.

В 1928 г. я встретил в ГАХН'е Стефана Цвейга: красивый, черноокий, одетый в костюм цвета «наваринского дыма с пламенем»¹⁰⁰. Я был представлен ему, но не удался мне с ним разговор и в три слова, его осаждали «дамы». «Страх», «Амок», «Письмо незнакомки», — все эти милые женскому сердцу рассказы были в большой моде, и дамы наперебой гово-

⁹⁶ Этой дамой была Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925). Дочь Гершензона вспоминала, что ее выступление «носило совершенно ненормально-истерический характер» (*Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000. С. 263). Подробнее о нем рассказывал другой свидетель: «К гробу подошла А.Н. Чеботаревская. Ее глаза болезненно блуждали; в голосе слышался надрыв, в словах чувствовалась истерика. От пристального наблюдателя и внимательного слушателя уже тогда не могли ускользнуть в речи А.Н. намечающиеся признаки психического расстройства и явные симптомы приближающегося религиозного помешательства. Здесь говорили о том, — так начала свою речь А.Н., — чему служил покойный Михаил Осипович, кого он любил, каких поэтов он предпочитал. Я скажу, что он служил одному Богу, любил и предпочитал только Бога. И мы должны следовать его примеру. Так жить, как мы живем, нельзя, так жить нельзя» и т.д. (*Соболев А.Л.* Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. Ч. 1 // Литературный факт. 2017. № 4. С. 118–119).

⁹⁷ «Скупо мизикало утро» — фраза из романа «Москва» (*Белый А.* Москва: Роман. Часть первая. М., 1928. С. 59). Вопреки мнению мемуариста, это словоупотребление вполне легитимно: по Далю, «мизикать» на оренбургском диалекте означает «издавать слабый свет, мерцать».

⁹⁸ Похороны Брюсова состоялись 12 октября 1924 г.

⁹⁹ Об этом (в т.ч. и о нечаянном выкрике под балконом ГАХН) вспоминает сам Белый *Белый А.* Начало века. С. 517.

¹⁰⁰ О визите Цвейга в ГАХН в сентябре 1928 г. см.: *Либлинзон З.Е.* Классика и современность. Из литературного наследия: Избранные статьи. Нижний Новгород, 1993. С. 223–224.

рили с автором новелл и «эссе», прошедших, кстати сказать, испытание временем и годных для любого читателя и на много лет вперед.

В ГАХН нередко со всякими лекциями и докладами по вопросам литературы и поэзии выступал и участвовал в прениях человек с тютчевским лицом, с красивым голосом и получше многих артистов декламировавший стихи Пушкина, Фета, Тютчева, Лермонтова и (редко) свои, — Вячеслав Иванович Иванов (кстати, он по-детски обижался, когда его фамилию произносили «Иванóв», а не «Ивáнов») ¹⁰¹.

Я не знал В.И. Иванова эпохи им выпестованных «Ор» (Петроград 1906–1912 гг.) ¹⁰², мистагога, жреца дионисовых исканий, каким показывает его нам Андрей Белый в своем мемуарном «Начале века» ¹⁰³. В Киеве в нашем «клане» стихи его читались, кое-что нравилось, но большинство стихов просто мы не поняли и, следовательно, прошли мимо.

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ КАВАЛЕРИСТ — БОЛЬШАКОВ КОНСТАНТИН АРИСТАРХОВИЧ.

Тяжеловат был творческий (да и жизненный) путь писателя Константина Аристарховича Большакова, которого я хорошо знал. Начал он юношей с писания (и печатания) стихов в духе немалого количества тогдашних поэтов — смеси Тютчева, Фета, символистов с футуристическими вольностями ¹⁰⁴, шатался, как и я, до 1914 г. по литературным сборищам, диспутам, по «салонам», где слушал и читал стихи.

Войной был призван в кавалерию ¹⁰⁵. Кавалерия пришлась ему по сердцу, и, как то узнал я позднее, воюя, изучил он и историю кавале-

¹⁰¹ Мозалевский преувеличивает регулярность участия Иванова в делах ГАХН: находясь в Баку с 1920 по 1924 г., он впервые выступил там лишь 4 июня 1924 г., накануне окончательного отъезда в Италию, с докладом «Пушкин и формальный метод». См. также его личное дело в фонде ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 253) и автобиографию, написанную в 1926 г. для баллотировки в члены ГАХН (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 166–170; публ. Г.В. Обатнина).

¹⁰² Домашнее издательство, организованное Вяч. Ивановым и просуществовавшее с 1907 по 1912 г.

¹⁰³ См.: *Белый А.* Начало века. С. 338–361.

¹⁰⁴ Это любопытное замечание, вероятно, может служить доводом в старинном ученом споре о принадлежности К. Большакову книги «Мозаика» (М., 1911), поскольку данная Мозалевским характеристика его ювенилий лучше подходит именно к текстам, вобранным этой книгой: два следующих сборника, «Le futur» (М., 1913) и «Сердце в перчатке» (М., 1913), значительно более футуристичны.

¹⁰⁵ Как следует из автобиографии 1928 г., Большаков добровольно оставил университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище, после чего в 1915 г. оказался в действующей армии (см.: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 309). См. также: *Богомолов Н.А.* Предисловие // *Большаков К.* Бегство

рийских полков, сражался по-настоящему, как сражались и художник Якулов Г.Б.¹⁰⁶, поэт Гумилев, был награжден орденами. С 1918 года он был в Красной Армии, снова в родной ему кавалерии, занимал командные должности.

В период, когда во главе «Красной Нови», журнала, печатавшего тогдашние шедевры, стал критик Воронский, К.А. Большаков в литературе и в печатании своих произведений преуспел — написал рассказ «Сгоночь» (из эпохи гражданской войны)¹⁰⁷, рассказ о Лермонтове (кстати сказать, в те годы 1924–28 было издано чуть ли не 20 рассказов о Лермонтове)¹⁰⁸, роман «Маршал 105-го дня»¹⁰⁹... Я не имел возможности сейчас перечитать рассказы К.А. Б-ва, а почти 30 лет — срок немалый, но смею утверждать, что рассказы правдивы, написаны хорошим русским языком, интересны по теме. Роман «Маршал 105-го дня» написан в нескольких планах, манера так писать признавалась «хорошим тоном», чему способствовали романы Б.А. Пильняка, который, хотел ли он или не хотел этого, чуточку законодательствовал по части формы, манеры и содержания литературно-художественных творений тех лет.

Я видел К.А. в его личной жизни — скромно он жил, в комнате главная мебель (далеко не «буль» или «чипендайль»), два стула, кровать, стол, рукописи, книги и маленькая пишущая машинка, на которой он «артистически играл».

пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М., 1991. С. 6–13.

¹⁰⁶ Георгий Богданович Якулов (1884–1928) был призван на фронт в самом начале войны и, за исключением периода реабилитации после ранения, оставался в действующей армии; см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 49–53.

¹⁰⁷ «Сгоночь» — не рассказ, а роман; впервые: Новые берега. Сб. 1. М., 1924. С. 89–196 (первая часть); отд. изд.: М., 1927.

¹⁰⁸ Рассказ Большакова о Лермонтове нам неизвестен; возможно, подразумевается его роман «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» ([Харьков, 1929]). Описанная Мозалевским закономерность удивляла еще современников: «За последний литературный сезон появился у нас целый ряд повестей и романов о Лермонтове. Не считая вещей, застрявших в портфелях редакций и издательств, и исключая мелкие стихотворения, мы получили шесть беллетристических произведений из жизни поэта: за полгода больше, чем за предыдущие 90 лет, и больше, чем о каком-нибудь другом русском писателе вообще было написано в художественной форме» (*Фохт У.* Лермонтов в современной беллетристике // Печать и революция. 1929. № 9. С. 86).

¹⁰⁹ Вышла лишь первая часть задуманной трилогии под этим названием: Кн. 1. Построение фаланги. М., 1936.

МОСКВА 1922–26 гг.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК «ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА». М.А. БУЛГАКОВ.

В 1922–23 гг. в Москве под гостеприимной «зеленой» (абажур!) лампой журналистки Лидии Васильевны Кирьяковой (умерла 1943 г.)¹¹⁰ собрались как-то по ее приглашению несколько писателей на литературный «чай».

Читал свой рассказ Юрий Львович Слезкин «Столовая гора» (впоследствии был напечатан)¹¹¹.

Слушали Ю. Слезкина тогда в тот вечер Булгаков Мих. Афан., Ауслендер С.А., Стонов Д.А., книговед Е.И. Шамурин¹¹², я, еще кто, забыл, ну, разумеется, и «хозяйка салона» Лидия Васильевна. После чтения за «чаем» (весьма «расширенным») были обсуждение рассказа и разглаголы на литературно-театральные темы момента — Мейерхольд, Таиров, «Заговор императрицы»¹¹³, театр Революции — «Озеро Люль»¹¹⁴... Тут высказывались и надежды, что какие-то новые писатели создадут какие-то новые шедевры, тут скептически звучали фразы, что «нет пока ничего оригинального, примечательного, тут благоговейно глядели «назад», глядели на Пушкина, Толстого Л.Н. М.А. Булгаков ждал появления новой «Войны и мир».

В Москве, как говорил я, много было в ту пору литературных стихийно возникших кружков, и как-то все собеседники под З[еленой] Л[ампой] порешили собраться через недели две снова. Так загорелась «Зеленая лампа».

Какой-то остряк (из нас) называл сборища ее «радениями».

Никакой, разумеется, литературной платформы у «Лампы» и в начале не было. Читали свои произведения, обсуждали их. Слезкин читал «Столовую гору», «Шахматный ход»¹¹⁵, читал М.А. Булгаков свои рассказы и повесть о Турбиных, из которой впоследствии была создана

¹¹⁰ О журналистке и писательнице Л.В. Кирьяковой (1879–1943) см.: Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 171–172; Виноградов В.К. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // Независимая газета. 1994. № 74 (750), 20 апр. С. 5; Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. 1. С. 72–75; Минаев Н. Нежнее неба. М., 2014. С. 265–266, 724–725; Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. И.Г. Девятьярова, В.В. Нехотин. Омск, 2019 (в печати).

¹¹¹ См. примеч. 54.

¹¹² Евгений Иванович Шамурин (1889–1962) — книговед, библиограф, филолог.

¹¹³ «Заговор императрицы» — пьеса А. Н. Толстого.

¹¹⁴ «Озеро Люль» — пьеса Алексея Михайловича Файко (1893 — 1978), поставленная В. Э. Мейерхольдом в Театре Революции (премьеры 8 ноября 1923 г.).

¹¹⁵ См. примеч. 54.

пьеса «Дни Турбиных», читал рассказы Д.М. Стонов, Н.Я. Шестаков¹¹⁶, эссе о «Царском селе» (XVIII и XIX век), читал А.И. Венедиктов¹¹⁷, читала стихи Е.А. Галати¹¹⁸. Какой-то бесконечно длинный фантастический рассказ о сумасшедшем управдоме Шлепкине несколько вечеров читал писатель Гусятинский¹¹⁹.

В 1940 г. так безвременно в расцвете творческих сил умер яркий талант, остроумный, деятельный писатель М.А. Булгаков.

¹¹⁶ Шестаков Николай Яковлевич (1894–1974) — поэт и драматург. См. о нем: Советские детские писатели: Биобиблиографический словарь. 1917–1957. М., 1961. С. 404–405; Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919 / Сост. И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков. Тобольск, 2016. С. 288; *Нехотин В.* Свидетель страшных лет: Из ранних стихотворений Н.Я. Шестакова // Симбирск. 2017. № 12 (54). С. 14–21.

¹¹⁷ Венедиктов Александр Иванович (1896–1970) — поэт, переводчик, историк искусства, участник эзотерических обществ. См. о нем: Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указатель А.Л. Никитина. М., 2005 (ук.); *Кузмин М.А.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005 (ук.); *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Рязань, 2006 (ук.); Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания. М., 2011 (ук.); Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919. С. 77. Упомянутое эссе — историко-литературный цикл «Царскосельские ночи»; Венедиктов читал, в частности, отрывки из него в Русском обществе друзей книги (см.: *Карамурза С.Г.* Русское общество друзей книги. М., 2011. С. 164); Кирьякова упоминала декламацию «Царскосельских ночей» в заседании «Зеленой лампы» в тексте своего ходатайства о помиловании (см.: *Минаев Н.* Нежная неба. С. 724). Эта рукопись на 97 страницах была отобрана у Венедиктова при обыске 10 июня 1927 г. По сообщению осведомителя СО ОГПУ от 13 мая 1929, «...известная мне и когда-то так мне понравившаяся рукопись его вещи “Царскосельские вечера”, бывшая у него в единственном экземпляре (у него даже не имелось черновиков ее), была у него забрана ГПУ при его аресте и не возвращена ему; ему очень жаль ее потерять, и теперь он подумывает просить С.А. Ауслендера, с коим он очень дружит и который в свою очередь пользуется поддержкой т. В.Р. Менжинского (по их старому знакомству еще в 1900 гг., когда т. Менжинский был петербургским присяжным повер[енным], и вращаясь в тогдашних лит[ературных] кругах и сам выступал в качестве писателя), чтобы Ауслендер при случае рассказал т. Менжинскому про эту рукопись и ее задержание “в недрах ГПУ” и попросил т. Менжинского затребовать ее для личного просмотра, и если т. Менжинский не найдет в ней ничего предосудительного по просмотру, просить его дать распоряжение о ее возврате Венедиктову. Далее он сообщил мне, что на днях им встреченный М.А. Булгаков хвастался ему, что его “Белая Гвардия” вышла теперь полностью (с окончанием, неподпечатанным в России) в Париже, и восторженно встреченная тамашней публикой, пользуется большим успехом» (сведения из следственного дела, разысканного И.Г. Девятьяровой).

¹¹⁸ См. примеч. 55.

¹¹⁹ Александр Ильич Гусятинский (1893–?) — поэт и прозаик, участник нескольких альманахов 1920-х гг., заведующий редакционно-издательским отделом Московской Товарной Биржи, позже — заведующий редакцией журнала «За промышленные кадры», переживший в этом качестве допрос по делу В.Т. Шаламова (с которым поддерживал дружеские отношения и после освобождения последнего). См. о нем: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М., 2004. С. 152, 1036. Его текст об управдоме нам неизвестен.

Когда я познакомился с М.А. (в 1922 г.), было в нем (приехавшем с юга) что-то «провинциальное», что-то от Растиньяка, явившегося «завоевывать Париж», ворваться в толпу (в публику) подобно пушечному ядру.

Ему, как говорится, улыбнулось счастье: вскоре пьесы его шли в 3-х театрах — в Камерном — «Багровый остров», в Художественном — «Дни Турбиных», у Вахтангова — «Зойкина квартира». Издательство «Недра» печатал[о] его рассказы¹²⁰. По причинам, которых касаться в настоящих мемуарах моих негоже — его умные, хлесткие интересные пьесы «Мольер» и «Бег» не увидели сцены¹²¹.

Нет слов, которыми я мог бы выразить свое уважение к великому режиссеру и большому человеку Станиславскому, но я не мог поверить его доводам, что пьесу «Мольер» (кстати сказать, довлеченную им же, Станиславским до генеральной репетиции!) не надо было показывать зрителю...¹²²

Читал в «Лампе» свои задорные юмористические рассказы Н.Я. Шестаков, прозвучали романтические стихи поэтессы Екатерины Галати (умерла совсем молодой в 1935 г.) — остроумной, веселой, молодой души «Зеленой лампы».

Бывал на наших «радениях» профессор востоковед Борис Петрович Денике, принимавший огненное участие в спорах и диспутах под «Зеленой Лампой»¹²³.

(Смерть-случай подстерегла его в 1941 г. Отказавшись от эвакуации, он простудился в московском бомбоубежище, умер от пневмонии.)¹²⁴

¹²⁰ Под маркой московского издательства «Недра» вышли два издания сборника М.А. Булгакова «Дьяволиада» (1925, 1926).

¹²¹ Мозалевский не вполне точен: несмотря на обильные цензурные препоны, пьеса «Мольер» (авторское название «Кабала святош») была поставлена 16 февраля 1936 г. в Художественном театре и окончательно запрещена только в марте. Пьеса «Бег» поставлена так и не была.

¹²² Подробности работы Станиславского над пьесой (в т.ч. стенограммы части репетиций) см.: Станиславский репетирует: Записи и стенограммы репетиций / Сост., ред. и авт. вступ. статей И. Виноградская. М., 1987. С. 333–470.

¹²³ Борис Петрович Денике (1885–1941) — историк искусства, археолог, востоковед. В «автобиографической канве» он отмечал под 1922 г.: «1. X. Переезд на Таганку (Б. Алексеевская). “Зеленая лампа” (продолжение вечеров у Кирьяковых). Участники: С.А. Ауслендер, супруги Кирьяковы, Гладенко [?], В. И. Мозалевский [sic!], Ю.Л. Слезкин, А.И. Венедиктов, Галати, Стонов, Н.Я. Шестаков, Булгаков, был поэт Рождественский» («Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: Автобиографический дневник и воспоминания друзей / Сост., вступ. ст., справочный аппарат, подбор иллюстративного ряда Т.Г. Алпаткиной. М., 2006. С. 38).

¹²⁴ Согласно воспоминаниям П.Е. Корнилова, смерть Денике наступила от последствий травмы, полученной в экспедиции в Дагестане. Последние дни он провел на даче в Раменском, пока в городской квартире шел ремонт (см.: Там же. С. 135–136; ср. с. 138–139).

В 1938 г. я встречался с Б.П. Денике в Ялте¹²⁵. Он — культурный и эрудированный собеседник, был несколько дней моим чичероне по Крыму разных веков, говорили мы, бродя по ливадийскому парку, о Востоке, о Саади, об истории Крыма и много о Пушкине, о полуфантастической поэтессе Омер де Гелль, о Лермонтове, который по легендам приезжал в Крым на свидание с ней¹²⁶.

Собрания «Зеленой лампы» затягивались «далеко за полночь». Дойдя мы (я, Шестаков, Ауслендер, Б.П. Денике, Слезкин и еще кто-то, конечно) шли пешком. У памятника Пушкину делали «привал», и споры, загоревшиеся и потухшие там, в салоне «З[еленой] Л[ампы]», разгорались порою снова, но тут уж «народ» вел себя повольнее, услышанное на вечере критиковали не злобно, конечно, но с позиции эпиграмм, иронии, насмешки, шаржа... Иногда после прочтения кем-нибудь рассказа кружковцы не сразу начинали обсуждать прочитанное, а крепко и долго молчали. И Б.П. Денике тогда утешал: «Ну, ладно, об этом поговорим у памятника Пушкину».

Никакого литературного «направления» у «Зеленой лампы» не было. Возникла она случайно и примерно в 1926 году распалась, вероятно, тоже случайно¹²⁷.

Любили русскую литературу — Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского. Большинство неизменно читало и почитало Блока (зачитывались поэмой «Возмездие»).

¹²⁵ Судя по дневнику Денике, в 1938 г. он в Крыму не был. Вероятно, имеется в виду встреча 1937 г., когда Денике был в Крыму с 1 июля до 21 августа, или 1939 г., когда он находился там с 6 июля по 23 августа (см.: «Он никогда никому не сделал зла...». С. 103). Мозалевского в этой серии записей он не упоминает.

¹²⁶ Подразумевается знаменитая мистификация П.П. Вяземского, фальсифицировавшего письма и записки реально существовавшей французской писательницы и путешественницы А. Омер де Гелль (1819–1883).

¹²⁷ Мозалевский вынужденно лукавит: значительная часть кружковцев (Денике, Шамурин, Шестаков, Ауслендер, Венедиктов и сама Кирьякова) были знакомы еще по колчаковскому Омску 1918–1919 гг., в т.ч. по безыменному литературно-художественному кружку, деятельность которого подробно отражалась в местной прессе; вероятно, это общее прошлое удостоилось внимания репрессивных органов, которые нанесли по «Зеленой лампе» ряд чувствительных ударов — в частности, двое последних были арестованы в 1927 г.; см.: *Виноградов В.К.* «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты». С. 5. Родственница С. Ауслендера прямо называет аресты причиной закрытия кружка (путая, впрочем, дату): «Собрания продолжались недолго. В 1923 г. одного из членов кружка арестовали. Какое-то время еще продолжали собираться, но в следующем году арестовали его жену Лидию Васильевну [Кирьякову]. И после этого всё прекратилось» (*Минакина Н.Н.* Воспоминания о Сергее Ауслендере и Михаиле Кузmine // *Филологические науки.* 1998. № 5. С. 110); нельзя в принципе исключить, что кружок закрылся независимо, до начала преследований. При этом известно, что следователей в обоих случаях преимущественно интересовала именно деятельность «Зеленой лампы».

Сдержанно относились к романам, писавшимся, как решали мы, «по заказу». Тогдашняя литературная общественность и читатели считали произведения Пильняка Б.А. новым, значительным, откровением.

О нем шли в «З[еленой] Л[ампе]» споры, но к П-ку всё же отнеслись сдержанно. Помню наши аплодисменты Н.Я. Шестакову, прочитавшему свои стихи о Симбирске (Ульяновске), о Карамзине, о летящих над городом «симбирских гусях»¹²⁸... Любили слушать рассказы Булгакова (чтец он был превосходный) и особенно его роман (или повесть) о «днях Турбиных».

В 1924 г. в «Зеленую Лампу» кто-то, кажется Б.П. Денике, принес роман Пруста Марселья “A la recherche...”

Марсель Пруст впоследствии был немало изруган, поэт Павел Антокольский особенно унизил автора «Поисков...»¹²⁹

М. Пруст не нуждается в моей апологии, но я очень благодарен был Илье Эренбургу, который в одной из своих статей (в журнале «Знамя») смело и темпераментно восстановил венок лауреата на челе писателя¹³⁰, чьи произведения, как и произведения Стендаля, Бальзака, Флобера или выдуманного Прустом писателя Бергота¹³¹, горят как неугасимые светочи, в витринах книжных магазинов и на полках библиотек.

Не всех посетителей «З.Л.» Пруст пленил. Но многие зачитывались романом, восхищались новой формой писания, когда «утраченное время» то, как феникс, возрождалось, то пролегало в астральные пространства. Пред нами взмахом магической палочки Пруста прошли картины жизни Франции конца XIX и начала XX века, эпоха Золя, Франса, галерея снобов аристократов, развратных и промотавшихся потомков королевского дома, продающих всё, что у них осталось, т.е. клички «величеств»,

¹²⁸ Имеется в виду стихотворение «Гуси» («Веселый звон застольного стекла...») из цикла «Симбирские звери», опубликованное в машинописном журнале «Гермес» (1924, № 4. С. 68; указано В.В. Нехотиным).

¹²⁹ Вероятно, имеется в виду статья П. Антокольского «Сим победиши», третья глава которой почти полностью посвящена М. Прусту: «Огромная кладовая прустовской памяти завалена пыльным и слежавшимся мусором. Пресыщенный и смертельно больной француз отсиживался в ней без света и без притока свежего воздуха. Отсиживался в памяти, как в бомбоубежище: от истории, от общества себе подобных. Вся его душевная жизнь свелась к поискам утраченного времени, и в этом деле он стал виртуозом и визионером. Марсель Пруст — человек антисоциальный до последней мозговой извилины» и т.д. (Антокольский П. Испытание временем: Статьи. М., 1945. С. 12).

¹³⁰ В библиографии Эренбурга до конца 1950-х гг. значатся всего три статьи в «Знамени» (см.: Русские советские писатели. Прозаики: Библиографический указатель. Т. 6. Ч. 2. М., 1969. С. 273–279); ни в одной из них Пруст не упоминается. Нег его (как, впрочем, и Антокольского) в представительном сборнике «Марсель Пруст в русской литературе» (М., 2000). Собственно, до 1960-х гг. нам известны лишь единичные упоминания Эренбурга о Прусте.

¹³¹ Бергот — один из персонажей цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени».

«высочеств», добившей их вдрызг буржуазии, образ человека из народа, из крестьян верной служанки Франсуазы, перекликающийся с образом прислуги Самгиных Анфимьевны («Жизнь Клима Самгина»).

1939–1956

г. Москва

Литература

Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания / Сост., предисл., археографическая работа и коммент. О.С. Северцевой; вступ. ст., очерки к разд. В.И. Мильдон. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с.

Белый А. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 770 с.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

Богомолов Н.А. Предисловие // Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста Н.А. Богомолова; Послесл. А.С. Немзера. М.: Художественная литература, 1991. С. 6–13.

Виноградов С. Прежняя Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига: Multi Centrs, 2001. 216 с.

Гельперин Ю.М. Большаков Константин Аристархович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 308–309.

Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только: Статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей, 2014. 799 с.

Из переписки А.М. Горького и И.Е. Вольнова / Публ. архива А.М. Горького. Подгот. текста и примеч. И.И. Вольнова // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 78–82.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 р.

Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 862 с.

Либинзон З.Е. Классика и современность. Из литературного наследия: Избранные статьи. Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 1993. 244 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1–2 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 764, 704 с.

Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. И.Г. Девятьярова, В.В. Нехотин. Омск: Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, 2019 (в печати).

Минаев Н. Нежнее неба: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста, биогр. очерк и коммент. А.Л. Соболева. М.: Водолей, 2014. 848 с.

Нехотин В. Свидетель страшных лет: Из ранних стихотворений Н.Я. Шестакова // Симбирскъ. 2017. № 12 (54). С. 14–21.

«Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: Автобиографический дневник и воспоминания друзей / Сост., вступ. ст., справочный аппарат, подбор иллюстративного ряда Т.Г. Алпаткиной. М.: Гос. музей искусства народов Востока, 2006. 173 с.

Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919 / Сост. И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2016. 351 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. Ч. 1 // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–123.

Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. 1–2. М.: Трутень, 2013. 489, 441 с.

Степанов Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 847 с.

Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...» Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. 767 с.

Фельдман Д.М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. 222 с.

Хазан В. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. 912 с.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М.: Эксмо, 2004. 1072 с.

Шаргородский С.М. Крыса в лабиринте (О названии одного футуристического альманаха) // Другое полушарие. 2010. № 13. С. 95–101.

Шенгели Г. Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого; биогр. очерк В.Э. Молодякова. М.: Водолей, 2017. 672 с.

Шрубя М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

References

Aleksandr Georgievich Gabrichevskii: Biografiia i kul'tura: dokumenty, pis'ma, vospominaniia [Alexander Georgievich Gabrichevsky: Biography and culture: documents, letters, memoirs], comp., intro., archaeographic work and comment. O.S. Severtseva, intro., essays V.I. Mildon. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 775 p. (In Russ.)

Belyi A. *Mezhdv dvukh revoliutsii* [Between two revolutions], ed. and comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 770 p. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka* [Turn of the century], ed. and comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 687 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Predislovie [Preface]. Bol'shakov K. *Begstvo plennykh, ili Istoriiia stradanii i gibeli poruchika Tenginskogo pekhotnogo polka Mikhaila Lermontova: Roman. Stikhotvoreniia* [The flight of prisoners, or the History of suffering and death of the Tenginsky Infantry Regiment Lieutenant Mikhail Lermontov: Novel. Poems], intro., ed. N.A. Bogomolov, afterword A.S. Nemzer. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991, pp. 6–13. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)

Drozdov V.A. *Dum spiro spero. O Vadime Shersheneviche i ne tol'ko: Stat'i, razyskaniia, publikatsii* [Dum spiro spero. About Vadim Shershenevich and otherwise: Essays, research, publications]. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 799 p. (In Russ.)

Fel'dman D.M. *Salon-predpriiatie: Pisatel'skoe ob"edinenie i kooperativnoe izdatel'stvo "Nikitinskie subbotniki" v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [Salon-enterprise: Literary association and cooperative publishing house "Nikitinskie subbotniki" in the context of the 1920–1930s literary process]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 1998. 222 p. (In Russ.)

Gel'perin Iu.M. Bol'shakov Konstantin Aristarkhovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1: A–G* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 308–309. (In Russ.)

Iz perepiski A.M. Gor'kogo i I.E. Vol'nova [From the correspondence between A.M. Gorky and I.E. Volnov], publ. by Gorky Archive, ed. and notes I.I. Volnov. *Gor'kii i ego epokha: Issledovaniia i materialy* [Gorky and his era: Research and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1989, iss. 1, pp. 78–82. (In Russ.)

Khazan V. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot* [The life and work of Andrei Sobol, or the Tale of how everything turned out the other way around]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., 2015. 912 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard. 1907– 1932: Istoricheskii obzor. T. 1: Boevoe desiatiletie. Kn. 1* [Russian avant-garde. 1907–1932: Historical review. Vol. 1: Fighting decade. Book 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Dnevnik 1908–1915* [Diary 1908–1915], intro., ed. and notes N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 862 p. (In Russ.)

Libinon Z.E. *Klassika i sovremennost'. Iz literaturnogo naslediia: Izbrannye stat'i* [Classics and modernity. From literary heritage: Selected essays]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 1993. 244 p. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1–2 [The literary life of Russia in the 1920s: Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1. Part 1–2], ed. A.Yu. Galushkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2005. 764, 704 p. (In Russ.)

Maslov G. *Sochineniia v stikhakh i proze. Materialy k biografii* [Poetical and prose works. Materials for biography], comp. I.G. Devyatyarova, V.V. Nekhotin. Omsk, Omsk Regional Museum of Fine Arts Publ., 2019 (in print). (In Russ.)

Minaev N. *Nezhnee neba: Sbranie stikhotvorenii* [Tenderer than heaven: Collection of poems], comp., ed., biogr. essay and comment. A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 848 p. (In Russ.)

Nekhotin V. *Svidetel' strashnykh let: Iz rannikh stikhotvorenii N.Ia. Shestakova* [The witness of terrible years: From N.Ya. Shestakov's early poems]. *Sibirsk*, 2017, no. 12 (54), pp. 14–21. (In Russ.)

"On nikogda nikomu ne sdelal zla...". *Pamiati Borisa Petrovicha Denike: Avtobiograficheskii dnevnik i vospominaniia друзей* ["He never did harm to anyone...". In memory of Boris Petrovich Denike: Autobiographical diary and memoirs of his friends], comp., intro., preliminary, selection of illustrations T.G. Alpatkina. Moscow, State Museum of Oriental Art Publ., 2006. 173 p. (In Russ.)

Poeziia beloi stolitsy: Stikhi poetov Omska. 1918–1919 [Poetry of the White Guard capital: Poems by Omsk poets. 1918–1919], comp. I.G. Devyatyarova, V.I. Khomyakov. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska Publ., 2016. 351 p. (In Russ.)

Schruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 440 p. (In Russ.)

Shalamov V. *Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennyye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigation files], comp. I.P. Sirotinskaya. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 1072 p. (In Russ.)

Shargorodskii S.M. *Krysa v labirinte (O nazvanii odnogo futuristicheskogo al'manakha)* [Rat in a labyrinth (On the title of a futuristic almanac)]. *Drugoe polusharie*, 2010, no. 13, pp. 95–101. (In Russ.)

Shengeli G. *Stikhotvoreniiia i poemy. T. 2* [Lyrics and poems. Vol. 2], comp., ed. and comment. V.A. Rezvy, biogr. essay V.E. Molodyakov. Moscow, Vodolei Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy. Ch. 1* [From the memories by S.G. Kara-Murza. Part 1]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 68–123. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka. T. 1–2* [The Lethean library. Vol. 1–2]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 489, 441 p. (In Russ.)

Stepanov E. *Poet na voine. Nikolai Gumilev. 1914–1918* [Poet at war. Nikolay Gumilev. 1914–1918]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2014. 847 p. (In Russ.)

Usov D.S. "My svedeny pochti na net..." *T. 2: Pis'ma* ["We are reduced to almost nothing..." Vol. 2: Letters], comp., ed., comment. and intro. T.F. Nesumova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 767 p. (In Russ.)

Vinogradov S. *Prezhniaia Moskva: Vospominaniia* [Moscow of the past: Memoirs], comp. N. Lapidus. Riga, Multi Centrs, 2001. 216 p. (In Russ.)

Viktor Mozalevsky

**Paths, ways, encounters
(conclusion)**

© 2019, Alexander Sobolev

Abstract: Memoirs of the writer Viktor Ivanovich Mozalevsky (1889–1970) are for the first time published in full and with detailed commentary. Being an unobtrusive, but active participant of literary life since the mid-1900s, Mozalevsky left vivid literary portraits of V. Bryusov, B. Sadovskoy, Yu. Slezkin, S. Auslender, E. Nagrodsкая, M. Bulgakov and many others.

Keywords: V. Mozalevsky, literary life, memoirs.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Mozalevsky Viktor. Paths, ways, encounters (conclusion), ed. and comment. A. Sobolev. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 71–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108